

Варяг

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Оборотень

«ЭКСМО»

2001

Сухов Е. Е.

Оборотень / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2001 — (Варяг)

Тюрьма ломает многих. Кто-то опускается на дно, а кто-то держит масть. Кому-то суждено выжить, а кому-то умереть в неизвестности. Одни продаются за лишний кусок хлеба, другие ставят свою жизнь на карту ради справедливости, им дорога честь, они хозяева своего слова. Но бывают и такие, которых называют «оборотнями». Из животного чувства самосохранения эти страшные нелюди приспосабливаются к любой ситуации, как хамелеоны, меняют свою окраску, для них нет ничего святого. Знаменитый вор в законе, смотрящий России по кличке Варяг, встречает на своем пути именно такого выродка – отставной полковник Тимофей Беспалый когда-то был вором, но потом променял смертный приговор на гимнастерку лагерного карателя, дослужился до начальника заполярной «сучьей зоны», где несколько десятилетий вершил самый настоящий беспредел. «Исповедь» бывшего лагерного «кума» приводит Варяга в изумление. Повидав на своем веку немало, Владислав Игнатов тем не менее был шокирован жутким рассказом о жизни за колючей проволокой, о жестоких нравах, царящих в человеческой стае.

© Сухов Е. Е., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	35
Глава 10	40
Глава 11	43
Глава 12	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгений Сухов

Оборотень

ПРОЛОГ

Из ресторана «Золотая нива», где час назад закончился большой сход, Варяг уехал последним. Рядом с ним в «ауди», помимо водителя Сашки, находился только начальник личной охраны Чижевский. Машина выскочила на улицу Руставели и понеслась в сторону Марьиной Рощи. На первый взгляд казалось, будто сходняк прошел гладко, но Варяга томило какое-то смутное беспокойство. Он никак не мог понять, что именно заставляет его опять и опять прокручивать в памяти все, о чем говорилось на толковище. Самые авторитетные люди воровского мира снова признали его своим лидером, клялись в верности. И тем не менее в поведении отдельных людей проскользнула какая-то фальшь.

Варяг, глубоко задумавшись, молча любовался вечерней Москвой, мелькавшими за окнами автомобиля сияющими витринами магазинов, кафе, офисов.

«Молодец, Лужок, – невольно про себя восхитился Варяг. – Таких бы в руководстве России побольше, глядишь, и житуха наладилась бы».

Внезапно на перекрестке у светофора их настигла резкая трель милицейского свистка. Высунувшись из белого гаишного «форда», незаметно подрулившего с левой стороны, мент яростно махал полосатым жезлом, требуя остановиться у обочины. Водитель Сашка чертыхнулся и виновато обернулся к своему шефу: мол, что делать?

– Жми на газ, Сашенька, – жестко заметил Владислав. – Нечего было гнать, как на пожар. А теперь что же – расправь крылья и лети, голубчик! Лети во всю прыть! Мне не в кайф сейчас с ментами разборки устраивать, я в розыске.

Сашка вцепился в руль и вдавил акселератор в самый пол. «Ауди», как бешеный конь, с ревом сорвался с места и понесся вперед, на красный свет. Через несколько секунд он уже свернул в первый попавшийся переулок. Автомобиль петляв по темным московским закоулкам, вылетал на ярко освещенные улицы и снова скрывался в узкие темные подворотни. Когда они вырвались на широкий простор Дмитровского шоссе, Варяг тронул водилу за плечо:

– Успокойся, Саша, кажется, оторвались.

– Если только они номера наши не засекли, – озадаченно заметил Чижевский. – А если это так, то нас уже ждут на всех постах...

– Смотри не накаркай, Валерьяныч, – сказал Варяг и на мгновение задумался, а потом махнул рукой:

– Рискнем. Давай, Сашок, дуй к кольцевой. Даст Бог – прорвемся. Нам нужно торопиться.

– Владислав Геннадьевич, зачем рисковать, давайте оставим машину в тихом дворике, а сами на такси доберемся. – Чижевский вопросительно посмотрел на Варяга.

– Ничего, Николай Валерьянович. Я верю, что у нас сегодня все будет хорошо. Сегодня наш день.

Чижевский не стал спорить с начальником. Он верил Владиславу и уже не раз убеждался в его удивительном даре предчувствовать опасную ситуацию. Он лишь вздохнул и молча уставился в окно.

...Минут через пять «ауди» подкатил к Московской кольцевой.

Неожиданно перед постом ГАИ им наперерез выскочил гаишник, а дорогу с двух сторон перекрыли две постовые машины. Водителю ничего не оставалось, как затормозить. Не успел «ауди» остановиться, как сзади его блокировал невесть откуда взявшийся еще один «жигуль» с боевой желто-синей ментовской раскраской.

Из него тут же вывалился капитан с изрядным брюшком и одутловатым лицом.

Вылезая, он выхватил из кобуры «Макаров» и направил ствол на водителя «ауди».

– А ну, всем вылезать из машины! Руки за голову! Всем к стене! – И капитан кивнул в сторону находившегося в десяти шагах от машины нового здания патрульной службы.

В это время задержанных уже окружили трое ментов с короткоствольными «Калашниковыми» наготове. Подчиняясь командам капитана. Варяг, Чижевский и водитель Сашка вынуждены были встать у стены, уперевшись в нее ладонями, и широко расставить ноги.

Варяг быстро соображал: конечно, это не могла быть подстава, подготовленная кем-то из участников большого схода воров в ресторане «Золотая нива». Скорее всего их задержание – результат случайной погони гаишников за превысившей скорость, да к тому же пытавшейся скрыться иномаркой. В любом случае дела плохи. В их распоряжении несколько секунд. Если начнут обыскивать, все пропало. Времени на обдумывание ситуации не оставалось. Варяг искоса бросил взгляд на перекошенные от возбуждения рожи ментов и с наигранным спокойствием обратился к пузатому капитану:

– Товарищ инспектор! Давайте разберемся по-хорошему. Да, мы превысили скорость, проехали на красный свет, не отрицаю. Просто очень торопились. Может, договоримся?

– Стоять! Ноги шире! Не оборачиваться! – рявкнул капитан и грозно потряс пистолетом. – Дернешься, замочу на хрен! Ерин, Патрушев! – обратился он к автоматчикам. – Обыщите задержанных!

Ситуация принимала серьезный оборот. Капитан явно не был настроен на мирный лад. У Варяга не оставалось выбора. Он приготовился к тому, чтобы молниеносно уронить правую руку под мышку и заученным движением выхватить «беретту», уже заранее снятую с предохранителя.

Но в этот момент случилось что-то невероятное. За спиной Варяга раздался страшный взрыв. Он не увидел, а скорее, почувствовал, как вылетели стекла в патрульном помещении, как стоявших рядом с ним постовых взрывная волна впечатала в стену, как вокруг разлетелись осколки стекла и металла.

Самого Варяга придавило к стене телом капитана, который успел лишь охнуть и тут же стал безжизненно валиться на землю. Видимо, именно тело офицера ДПС и укрыло Варяга от смертельных осколков. Варяг резко развернулся и мгновенно оценил обстановку: машина, на которой они ехали, была разорвана взрывом на части, автоматчики корчились в судорогах, искромсанные осколками, водитель Сашка и гаишный капитан не подавали никаких признаков жизни. И лишь Чижевский, стоя на коленях, мотал головой, как корова, пытаясь привести себя в чувство. Варяг, не мешкая, в несколько прыжков оказался у ментовского «жигулька», стоявшего с включенным двигателем в двадцати метрах позади искореженной иномарки.

В машине за рулем сидел насмерть перепуганный сержант. Он даже не сопротивлялся, когда Владислав схватил его за шиворот, чтобы выбросить из машины.

– Николай Валерьяныч! – крикнул Варяг Чижевскому, садясь за руль. – Давай сюда, скорее!

Едва Чижевский впрыгнул на заднее сиденье, как Владислав снял машину с ручного тормоза и дал газ. «Жигуль», жалобно взыв, дернулся назад, круто развернулся и рванул прочь от места происшествия. Ехать по кольцевой было опасно, там могли перехватить в два счета. Так же опасно было двигаться по шоссе за город: через несколько километров там был еще пост ДПС. Варяг резко развернул «жигуль» и, пересекая двойную разделительную линию, помчался в центр столицы.

– Видно, мы с вами в рубашке родились! – через несколько минут нарушил нервное молчание Чижевский, осматривая раны на руках и ноге. Раны оказались незначительными, но болезненными.

– Это точно, Николай Валерьянович, – невесело ответил Варяг. – А вот Сашке, кажется, не повезло. И хлопцам этим с автоматами, и ихнему капитану тоже.

– А ведь они нам с вами жизнь спасли. Не тормознули бы они нас, и поминай как звали. Бомба-то в нашей машинке была заложена. Кто-то вас, Владислав Геннадьевич, сильно не любит.

Варяг слушал Чижевского, обеими руками вцепившись в баранку «Жигулей». Он сам прекрасно понимал, что кто-то решил избавиться от него и, пока он был на сходняке, заложил взрывное устройство под его машину. В который раз его дурное предчувствие подтвердилось: значит, на сходе далеко не все были искренними до конца. Иуда приложился к руке смотрящего вместе с остальными.

«Коварство и предательство в который раз». Тяжелые мысли Владислава снова прервал Чижевский:

– Долго мы на этой цветастой тачке не проедем – патруль очень скоро нас засечет, Владислав Геннадьевич.

– Согласен! Второй раз испытывать судьбу не будем. Сейчас свернем в ближайший переулок, бросим машину и дальше будем добираться на такси. Только ты уж приведи себя в порядок, Николай Валерьянович. Вытри кровь и залепи царапины лейкопластырем.

Утром на мобильник Варягу позвонил Филат, смотрящий Питера. Накануне вечером Филат был на сходе. Ему Варяг доверял. Но сейчас Варягу важно было понять, как быстро его недоброжелатели распространяют информацию и дошла ли она до Филата.

Оказалось, что тот о взрыве ничего не слышал, а Варяг сам не стал рассказывать о случившемся, тем более что Филат звонил совсем по другому делу.

– Варяг! Такая история... Мне только что из Питера позвонил мой человек. Ему по цепочке передали, что с тобой хочет повидаться какой-то старик, отставной мент. Дед знает твое погоняло и твердит, что для тебя самого это тоже будет важно. Зовут деда Беспалый...

Услышав знакомую фамилию. Варяг от неожиданности даже вздрогнул.

– Беспалый? Александр Тимофеевич? Так его же в Питере замочили года полтора назад.

– Не-ет, – усмехнулся Филат. – Этого Беспалого зовут Тимофей Егорович. И он еще жив, хотя вроде как при смерти. Так мне пацаны сказали.

Тут в памяти Варяга всплыло это имя: когда он чалился на североуральской зоне, старый вор Мулла рассказывал ему кое-что про своего старинного кореша Тимоху Беспалого... Неужели тот самый?

– И где он сейчас, этот Тимофей Егорович? – спросил Владислав.

– Да у нас, под Питером, в Белогорье. Там есть интернат для престарелых ветеранов МВД. Старику-то сейчас уже далеко за восемьдесят.

Говорят, он долго не протянет. О встрече же с тобой просил сильно. Сказал, у него для тебя гостинец. У него вполне авторитетные кореша нашлись, просили за него. Думаю, что это не подстава.

– Ладно, Филат, ты вовремя позвонил, мне и с тобой нужно кое-что обсудить. Поедем в Питер вместе... Со мной будет Чижевский. А ты уж встречу в северной столице как положено подготовь. Без понтов, но чтобы все было. И охрану... – Владислав посмотрел на Николая Валерьяныча и подмигнул ему:

– Прямо сегодня в ночь и поедем!

Вырубив телефон. Варяг коротко разъяснил Чижевскому ситуацию:

– Все равно, Николай Валерьяныч, нам после этой погони со взрывами надо на время исчезнуть. А поездка в Питер – очень удачный повод. Не знаю, что взбрело старому Беспалому в голову, но чует мое сердце – старика нужно уважить.

Может, ему от этого спокойней помирать будет или на том свете будет веселей.

ЧАСТЬ I

СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ

Глава 1

Дом ветеранов Министерства внутренних дел в поселке Белогорье расположился в старинной помещичьей усадьбе. Давно не ремонтировавшееся трехэтажное длинное здание стояло у заросшего пруда. Варяг приехал один, оставив Чижевского в городе на попечении Филата.

Врачи знали, что Тимофея Егоровича Беспалого, заслуженного пенсионера, ветерана МВД должен навестить кто-то то ли из друзей, то ли из родственников. Поэтому едва Владислав Геннадьевич Игнатов появился в приемном покое, как к нему вышел статный седой врач с военной выправкой и без долгих предисловий сообщил:

– Я заведующий отделением. Вы к Тимофею Егоровичу? Очень хорошо. Мне звонили.

Звонок организовал Филат, который, пользуясь своим положением смотрящего Петербурга, водил нужные знакомства со многими большими людьми в северной столице.

– Да, я хотел бы повидаться с Тимофеем Егоровичем.

– Он вас тоже очень ждет. Вот уже несколько дней интересуется, не приходил ли кто. Старики – они все беспокойные.

Варяг пожал плечами, соглашаясь с Врачом, и, предваряя вопрос, сообщил:

– Вам, наверное, интересно знать, кто я. Я старый знакомый Тимофея Егоровича. К сожалению, родственников у него практически не осталось.

– Это верно. Мы знаем, что он одинок, – подтвердил военврач. – Ну-с, пройдемте. Беспалый проживает в сто одиннадцатой палате в западном крыле.

Сейчас он, правда, приболел, и мы его перевели в лазарет. Второй этаж по лестнице, палата пятнадцать. Найдете?

Владислав кивнул и, поблагодарив собеседника, стал подниматься на второй этаж, легко преодолев два лестничных пролета. Он шел по коридору и размышлял о том, зачем он мог понадобиться старику Беспалому. С ним Варяга связывало только одно – сын Тимофея Егоровича Александр Тимофеевич, начальник лагеря строгого режима, в котором Владислав отбывал свой последний срок...

Беспалый – младший был редкой сволочью, беспредельщиком при погонах.

Многие пострадали от Сашкиных изувещаний. Уже в девяностые годы этот отморозок пытался возродить в своей зоне «сучьи» порядки. И когда Варягу чудом удалось бежать из лагеря, где Беспалый его истязал и гноил заживо, этот обмерок ни перед чем не остановился, загубил невинных людей, лишь бы показать свою власть и силу. Но ничего у него не вышло. Варягу все равно удалось убежать, унося с собой на свободу всю правду о делах начальника лагеря строгого режима, о его кровавых расправах над заключенными и над жителями соседних с лагерем хуторов.

Почуввав смертельную опасность, Александр Беспалый лично отправился в погоню за беглецом. В Питере он поставил на ноги весь ОМОН, но просчитался и был убит Варягом на безлюдной питерской стройке. Это случилось полтора года назад, и об этом не могла знать ни одна живая душа. Во всяком случае, даже по официальной версии, подполковник Александр Беспалый стал случайной жертвой уличной шпаны...

Старик не мог знать, кто на самом деле покарал его сына.

Варяг остановился перед дверью с табличкой «Лазарет» и постучал.

Войдя, он оказался в просторной больничной палате на шесть коек. Все койки были заняты. Владислав медленно прошелся по комнате, заглядывая в лица больных. В одном крепком на вид старике, лежавшем у окна, он угадал Тимофея Беспалого.

Старик, казалось, спал.

– Тимофей Егорович! – Варяг склонился над стариком.

Тот открыл глаза и внимательно посмотрел на гостя.

– А? – И тут морщинистое лицо осветилось. – Варяг! Ждал я тебя, милоч! Очень ждал!

Владислав невольно нахмурился. Ему не понравилось, что незнакомый старик сразу узнал его и назвал воровским погонялом. Но, с другой стороны, Филат ведь сказал, что Беспалый искал именно его, смотрящего России.

– Садись, садись, – хрипло прошептал старик. – Спасибо, что приехал.

Я уж и не надеялся. Думал, помру и тебя не увижу. А вот видишь, ошибся. Есть у меня к тебе разговор серьезный.

Владислав присел на стул у кровати.

– Не обознались ли вы, Тимофей Егорович, – на всякий случай заметил он. – Я Игнатов Владислав Геннадьевич...

Беспалый слабо усмехнулся:

– Я-то не обознался. Я ведь про тебя все знаю, Владислав Геннадьевич. Уже лет десять слежу за твоими делами. Я полжизни провел в Североуральске на зоне «кумом». Ты ведь тоже имел несчастье побывать в тех краях, но, правда, застал там другого Беспалого. Сына моего, Сашку. Он на мое место лет десять тому назад заступил.

Варяг развел руками:

– Что-то ты, дед, путаешь. Никогда я не был в Североуральске.

– Да был, был. Не отпирайся, Владислав Геннадьевич. Чай, ты не на допросе, а я не след, чтобы мы тут в игры играли. Может, ты моих соседей стесняешься. Так ты внимания на них не обращай. Они все, кроме Васьки Сидорова, глуховаты. А Васька, тот болезнью Альцгеймера болеет и ничего, даже себя, не помнит. А тебя, Владислав, я видел, когда к Сашке моему в гости приезжал на зону. – Тимофей Егорович закашлялся. – Был ты там в казенной робе с номером на груди. Вот номер не помню. А так у меня память на лица отличная и с головой все в порядке, Бог миловал. Хотя я и понимаю, что у тебя свой резон таиться, но я не прокурор, не собираюсь из тебя признания тянуть. Мне это ни к чему. Я ведь многих ваших знал, со многими законными на своем веку встречался – не только на зоне, но и на воле. С Медведем, с Егором Сергеевичем, с Цыганком в дружбе состоял. Да что говорить – мы же с Заки Зайдуллой, царствие ему небесное, корешились лет пятьдесят. Мулла его погоняло. От Муллы-то ты же не будешь отрешиваться? Он мне про тебя много рассказывал перед смертью... – Тимофей Егорович бросил взгляд на Варяга и сразу заметил, как у того загорелись глаза. – Ну что, поговорим по душам?

– Поговорим, только не здесь, – тихо, но твердо заметил Варяг, покосившись на дремлющих стариков.

– Лады, – согласился Беспалый и, кряхтя, сел на постели. – Помоги встать, пойдем, там в конце коридора есть укромяная комнатка, телевизионный салон. Да только телик уже месяца два не работает и там никого не бывает.

Опираясь на руку Варяга, Тимофей Егорович доковылял до «телевизионного салона», где они и расположились. Варяг сидел напротив старика и ждал, пока тот переведет дыхание и соберется с мыслями.

– Тебя, Владислав Геннадьевич, конечно, интересует, зачем я тебя искал и что за гостинец такой приготовил? Верно ведь?

– Верно! – признался Варяг. Тимофей Егорович изучающе, по-стариковски посмотрел на гостя и глубоко вздохнул:

– Искал я тебя потому, что время мое пришло, Варяг. Помирать мне скоро. Вот и хочу перед смертью... – старик на секунду запнулся, – хочу исповедаться, душу излить, что ли. Душа сильно болит. Невмоготу ей эту тяжесть нести. Облегчить ее надо. Много грехов на мне висит, много крови, много подлости. Уж поверь мне... – Старик откинулся на спинку стула и прикрыл глаза, словно задремал.

– Но я ведь не священник, Тимофей Егорович! Я ведь тебе грехи не сумею отпустить.

– Сумеешь, сумеешь. Варяг. Кроме тебя, никто меня, боюсь, не сможет понять. А понимание – это ведь и есть отпущение грехов. И к тому же у меня к тебе есть очень важное дело. Но ты меня не торопи. Пусть все будет по порядку.

Разговор начинался и впрямь интересный.

– А я что-то не пойму, Тимофей Егорович, – заметил Варяг. – Ты вроде начальником лагеря был, полковником в отставку вышел, как же это тебя угораздило с ворами корешиться?

Беспалый приоткрыл глаза, и, глядя перед собой в одну точку, стал вспоминать:

– С Муллой мы знали с конца двадцатых годов. Нам тогда обоим по четырнадцать лет было, оба беспризорничали, ну и воровали, понятное дело.

Сначала по маленькой, а потом по-крупному. Потом я в одну историю вляпался по глупости, меня НКВД повязал я на Север попал, а там меня ушлые опера в оборот взяли. Ну и пошло-поехало... Долгая история. Словом, если время у тебя есть, я тебе расскажу все по порядку.

– Время-то есть! – кивнул Владислав и добавил:

– Я про жизнь зековскую знаю только то, что знает каждый зек, а вот рассказов настоящего лагерного «кума» ни разу еще за всю жизнь не доводилось слышать.

– Ну тогда послушай, – усмехнулся чему-то своему Беспалый.

Глава 2

На Руси воры искони считают, что баба приносит, одни несчастья, и потому ни один уважающий себя уркач не связывает себя семейными узами. Семья – это как пудовое ядро на ногах у каторжника: прежде чем сделаешь хоть один шаг, нужно оторвать ядро от земли, поднять его на руки и тащить до тех пор, пока хватит сил. От таких упражнений у арестанта очень скоро развиваются грыжа и болезни позвоночника. Иное дело мимолетная любовная привязанность, которая не требует от вора каких-либо душевных усилий и общепринятая плата за которую – бутылка хорошего вина, закуска и немного денег на жизнь. На что может согдиться женщина в воровском промысле, так это стать хитрой наводчицей или красивой приманкой – вот здесь ей нет равных! Не один лопоухий фраер поплатился своим кошельком, безрассудно клюнув на наживку в виде коварной красоты. Именно пренебрежение выстраданными воровскими заповедями и привело молодого московского вора Тимофея по кличке Удача в глухой таежный лагерь строгого режима на Северном Урале.

...Тогда Тимохе казалось, что встречу с Лизой Рогожиной ему подарил слепой случай, но лишь через полгода, когда была уничтожена большая часть его корешей и лишь немногим удалось остаться в живых, и то оказавшись на нарах, он понял, что это была тонкая, тщательно подготовленная акция лубянских умников!

Его непродолжительный роман с красавицей Лизой начался с того, что как-то раз на рынке молодая женщина попросила его помочь ей выбрать подходящий кусок мяса, сославшись на то, что совершенно ничего в этом не понимает. У Тимофея, польщенного вниманием смазливой дамочки, сразу же поехала крыша и напроочь отключился инстинкт самосохранения. Внимательно окинув незнакомку взглядом с ног до головы, Тимоха понял, что перед ним женщина дивной неземной красоты, экземпляр, каких во всей Москве днем с огнем не отыскать.

Их отношения развивались бурно – на следующий день известный в своих кругах вор повел девицу пообедать в «Метрополь», а вечером поразил ее в постели мужской силой и пылкостью ласк. Уже через неделю он представил ее своим друзьям как невесту. По воровским понятиям это было нарушением традиций, но урки простили нечаянную слабость бывшему беспризорнику, который к тому времени возглавлял ватагу жиганов, то есть молодых воров, с полным правом носил кличку Удача и мог считаться хозяином двух рынков в самом центре столицы.

Удача таскал Лизу едва ли не на все воровские посиделки, где она очень быстро сумела перепознакомиться не только с уркачами, но и с их подругами.

А месяца через три началось страшное: в воровские хаты, о которых знали лишь немногие, нагрянули чекисты и в первый же день урок арестовали столько же, сколько за все последние три года. Дальше – хуже: воров хватали на улицах, вязали на хазах сбытчиков краденого... Но чаще всего чекисты расстреливали воровскую братву прямо во дворах, освобождая себя от хлопотной обязанности водворять уголовный элемент в тюремные камеры, а потом возиться с ними в следственных кабинетах. Пострадали даже безобидные «голубятники», которые были виновны лишь в том, что по бедности таскали развешанное на чердаках белье.

Но совсем неожиданным было внезапное исчезновение Лизы. И тут Тимофей поймал себя на мысли, что не знает о своей возлюбленной ровным счетом ничего: ни с кем она живет, ни с кем водит дружбу, ни кто ее родственники. Его стали мучить сомнения. И он даже стал задумываться, вправду ли ее зовут Лизой.

Жиганы во главе с Заки Зайдуллой, которого в воровской среде звали Муллой, явились в квартиру Тимофея без предупреждения, среди ночи – один из домушников умело отомкнул тяжелую дверь отмычкой, и пацаны бесшумно, словно тени, вошли в комнату.

Тимоха, увидев «гостей», от неожиданности побледнел, но старался держаться неприужденно. Он прекрасно понимал, что так, по-тихому, к нему могли явиться только те, кому воровской сход поручил без лишнего шума разобраться с провинившимся и привести приговор в исполнение. Тимоха сумел перебороть страх и предложил бывшим корешам водки. Они не отказались, но первым выпил Зайдулла, и только после этого посмели притронуться к угощению остальные. Явившиеся на толковище жиганы совсем недавно были свитой Тимофея. Тогда ему достаточно было цыкнуть на одного из них, чтобы вся компания целую неделю тряслась от страха.

Но сейчас, сопровождая Муллу, они уже ничего не боялись, чувствуя себя настоящими уркаганами. Они нагло развалились на стульях перед своим бывшим вожаком.

– Ты знаешь, зачем мы пришли, Тимоша? – наконец спросил Мулла.

– Понятия не имею, – спокойно, с достоинством ответил Тимофей.

– И даже не догадываешься? – внимательно посмотрел в глаза Удаче Зайдулла.

– Не догадываюсь, – так же невозмутимо повторил Тимофей.

– Ну тогда мне придется тебе кое-что пояснить. Твоя краля заложила всех уркачей. Не обижайся, Тимоша, но с тебя будет спрос строгий.

– С чего ты взял, что это она? – нахмурился Тимофей.

– А ты спроси у жиганов, – кивнул Мулла в сторону парней, с хмурыми лицами наблюдавших за разговором. – Один из них видел ее на Лубянке. И встречали ее там как принцессу – под белы руки, по красному ковру...

От услышанного у Тимофея отлила кровь от лица.

– Убью суку! – только и смог вымолвить он. Мулла, казалось, не расслышал вырвавшихся у бывшего подельника слов.

– Мы хотели бы у тебя спросить, Тима, а не ты ли будешь вторым сапогом, что затоптал все наши хавиры?

– Ты думай, о чем говоришь, Мулла. Ты меня знаешь давно. За такое и ответить можно. Удача таких слов не прощает.

– Ага, вот как ты запел! Но боюсь, что на этот раз удача от тебя отвернулась. Это ты, Тима, пригрел змею у себя на груди, наплевав на воровские традиции. А потому не кипятись и лучше сначала скажи нам, где твоя краля. Никак не можем сыскать эту падлу.

Тимофей неожиданно сник. Как ни крути, а это он привел ее в компанию к ворам.

– Не знаю, братцы, сам ее ищу. Нигде нет! Сначала я думал, с ней случилось что-то, а когда братву начали гасить, так я сам стал неладное подозревать. Только в том, что произошло, нет моей вины. Заворожила она меня своей красотой. Втюрился, как пацан пятнадцатилетний. Ей-богу, братцы. – И Удача в ожидании понимания посмотрел на жиганов и на Муллу. – Неужели ты мне не веришь, Мулла? Мы же с тобой подельники, оба из беспризорников выросли.

– Нынче совсем другие времена наступили, Тимоха, – отрезал Зайдулла. – Сам знаешь, НКВД умеет работать: сейчас урками и жиганами все тюрьмы забиты. Трудно теперь кому-то верить. А потом, за все это кто-то и ответить должен. Ты согласен со мной?

– Да! – хмуро кивнул Удача.

– Так вот, вчера на сходе братва порешила... Ты не позабыл, как клянется карманник? Если ты еще карманник?

– Не забыл. Ты же знаешь, что я карманник... «Клянусь пальцами своей руки, что не приведу на воровскую хазу чужого человека...»

– Верно! – кивнул Мулла и печально улыбнулся. – Вот мы, Тима, и явились за твоими пальцами.

Жиган по кличке Лебедь от волнения шумно сглотнул слюну. Узнав о вчерашнем решении схода, он сам напросился пойти вместе с Муллой к Удаче и сейчас ожидал зрелища. Ему

как бывшему щипачу было известно, что потеря пальцев для карманника все равно что для священника лишение сана и клятвы более страшной, чем та, которую повторил сейчас Тимофей, для карманных воров не существовало. К Тимофею у Лебеда к тому же имелся еще и личный счет: дважды Тимоха уводил у него девок, по давней зековской традиции полагая, что уркам должно принадлежать все лучшее, и несколько раз обидно одернул Лебеда на «толковище» при большом сборище уркачей. И вот сейчас Лебедь явился к Тимофею для того, чтобы сполна отомстить.

Урки в уголовном мире считали себя голубой кровью и, исходя из каких-то своих моральных принципов, не поднимали руку на провинившегося собрата, а призывали для кровавой работы жиганов, с которыми затем щедро расплачивались.

– Так чего же мы тянем. Мулла? – в нетерпеливой ухмылке скривил губы Лебедь и вызывающе глянул на Тимофея. Потом он вытащил из-за поясе финку и сделал два шага в направлении осужденного. – Жаль, братва, что не голову этому гаду придется отрезать.

– Убери, жиган, свои лапы от урки! – зло процедил сквозь зубы Тимофей и угрожающе посмотрел на приблизившегося. Тот остановился.

Мулла подал знак, и в доме воцарилось молчание.

– Ты, Тимоха, конечно, щипач от Бога, – глухо произнес Мулла. – Так и быть, пожалеем тебя – режь пальцы на левой руке. Правую тебе обкорнать – все равно что убить.

Некоторое время Удача внимательно рассматривал свои изящные пальцы, которые сделали бы честь пианисту. Потом положил на край стола указательный и средний пальцы левой руки и, выхватив из кармана короткий острый нож, одним ударом отсек оба под самое основание. Кровавые обрубки покатались по столу.

– Ты не молчи, кричи, Тимоша! – сочувственно сказал Мулла, глядя на скривившееся от боли лицо Тимофея. – Так-то оно легче будет.

– Ничего, как-нибудь справлюсь, – простонал Тимофей, отводя взгляд от изуродованной руки.

– Это еще не все, Тимоша. Сход решил, чтобы ты прикончил свою кралю собственноручно. И не вздумай отпираться, не говори, что ты не мокрушник. Срок даем тебе неделю. Дальше жди беды!

Тимофей на мгновение позабыл о боли, а потоп, глухо проговорил:

– Это я, братва, решил уже и без вас.

– Ну вот и договорились. – Мулла поднялся. – Ты уж извини, что мы к тебе без стука вошли. А вы куда, жиганы? Или, может, я буду за вас обрубки уносить? Да не кривите вы рожи, заверните пальцы в бумагу и положите в карман. Вот так. Деньги брать любите, а работу исполнять другие должны? А ты чего стоишь?!

– прикрикнул Мулла на побелевшего Тимофея. – Руку тряпицей завяжи, а то истечешь кровью. Пошли, жиганы! Не век же нам здесь куковать с этим Ромео.

Тимофей отыскал Лизу на шестой день, когда уже вовсе отчаялся ее найти и стал подумывать о том, что не миновать ему суровой кары от воровского схода. Он исходил всю Москву, по несколько раз в день навещал в те места, где раньше бывала Лизавета. Но его бывшая возлюбленная как в воду канула: дома ее не было, никто ее не видел.

На шестой день Тима без всякой надежды на успех забрел – уже, наверное, в тридцатый раз – на ту квартиру, где они когда-то проводили счастливые деньки. Он даже не мог сказать, что именно подтолкнуло его снова явиться в знакомый дом: надежда, отчаяние или тоска по минувшим дням. Меньше всего можно было ожидать появления Лизы в этом логове любви, которое он снимал для их интимных свиданий. Подойдя к знакомой двери, он сразу понял, что Лиза в квартире, даже почувствовал запах ее духов. Некоторое время Тимофей стоял у порога, боясь того, что должно было совершиться. Но, взглянув на перебинтованную руку, он ощутил

приступ ярости и решительно постучал. Дверь тотчас открылась. Сначала он увидел на ее лице радостную улыбку, которая медленно сменилась гримасой отчаяния.

– Вижу, что не ждала! – хмуро произнес Тимофей и, оттеснив Лизу плечом, прошел в комнату. – Да прикрой ты дверь, никогда не любил сквозняков.

Вот так– то лучше, – одобрительно кивнул он, услышав за своей спиной щелчок замка, и, повернувшись, приблизился к испуганной женщине. – Ну, здравствуй, Лизавета! Как живешь... стерва? – Тимофей стиснул пальцами подбородок Лизы. Ему достаточно было увидеть ее, чтобы копившаяся все эти дни ненависть растаяла, подобно весеннему снегу под лучами солнца. Чего ему сейчас хотелось, так это сорвать с нее тонкое платье, не скрывавшее очертаний высокой груди, и бросить на кровать ее жаркое упругое тело. Тимофей старался распалить в себе ненависть, но она мгновенно гасла, стоило ему заглянуть в болотный омут женских глаз. Он прошелся по комнате, потупив глаза, а потом, приподняв забинтованную руку, не глядя на Лизу, зло произнес:

– Видишь! По твоей милости пальцев лишился. Ты ведь и не догадываешься, каково быть карманнику с изуродованной клешней! Ладно еще пожалела меня братва, а то могли бы и на правой руке пальцы оттяпать. – Тимофей помолчал, тяжелым взглядом уставившись в пол, а потом, вскинув глаза на Лизавету, хрипло спросил:

– А теперь говори, сука, кому меня заложила?

Лиза с ужасом смотрела на Тимофея, не в силах произнести ни слова.

Тимофей достал из кармана револьвер и положил его на стол. Металл, зловеще клацнув о полированное дерево, напомнил о том, что воровская любовь так же опасна, как и заряженный револьвер.

– Родненький ты мой, миленький ты мой! – Лиза бросилась в ноги Тимофею. – Да что же это ты?! – Она крепко обхватила его колени. – Неужели вот так сразу... Да разве я могла бы! Люблю я тебя! Люблю... Разве я могу тебя предать?!

Сложно устроен вор, и любовь его всегда непростая: хоть он и считает, что женщина приносит зло однако падок на ее ласки, на домашний уют и за эти мгновения тепла порой готов поступиться воровскими правилами. Но очень часто лишенный нормальной жизни вор за любовь принимает всего лишь ее бачью привязанность одинокой бабы, истосковавшейся по сильным мужским объятьям. А чаще всего любовь у вора бывает краденая, и от этого вкус ее кажется терпким, а поцелуи хмельными и дурманящими. Расплачивается вор за страстные любовные ласки всегда щедро, как если бы провел последнюю в своей жизни ночь любви.

– А кто ж, коли не ты?! – Тимофей оттолкнул от себя женщину. Лиза неловко завалилась на бок, и он увидел, как задралось легкое платье, оголив белоснежное бедро. Ему стало тошно от мысли, что кто-то другой мог касаться этой гладкой кожи, мог нашептывать в точеное ушко ласковые словечки, и, подумав об этом, он разозлился по-настоящему:

– Кто тебя подослал ко мне, говори, падла! Кому ты нас выдала?! – Тимофей что есть силы рванул на девушке платье, и ткань, жалобно затрещав, высвободила из плена тяжелую красивую грудь.

– Не убивай меня, Тимоша, все скажу! – Лиза вновь обняла его колени.

– Грешна я перед тобой, только не со зла я все это сделала. Меня жизнь заставила. Я сначала мужа своего спасала. На грех пошла. Потом, как увидела тебя, все у меня в голове помутилось. Полюбила я тебя. Энкавэдэшники мне наобещали, что и тебя не тронут, и мужа отпустят. Только два года мы с ним и пожили... Пришли однажды какие-то в форме и забрали моего Степу. Два месяца я ихние пороги обивала, не знала, где он, а потом достучалась до самого главного их начальника он мне сказал: если хочу мужа живым увидеть, то должна с уркачом сойтись, а все, что увижу и услышу, обязана на Лубянке рассказывать...

Воровская любовь – не всегда сладкое вино под хорошую закуску: чаще она напоминает укус и пахнет предательством, так что урке частенько приходится глотать горький плод измены.

– Понятно, – протянул Тимофей, хотя ровным счетом ничего не соображал и вряд ли в эту минуту способен был сосчитать хотя бы до десяти. До последнего мгновения он продолжал надеяться, что Лиза невиновна и по-прежнему ему верна. Прозвучавшие слова признания придавили его к земле и застлали глаза черным туманом. Он чуть приподнял руку, нащупал на столе револьвер, поднял его и, направив ствол в перепуганные глаза Лизы, резко надавил на спуск.

Выстрел раскатился по двору и спугнул стайку голубей. Минуты две птицы тревожно летали над домом, а потом опять как ни в чем не бывало опустились на асфальт клевать рассыпанные крошки.

У Тимофея не было сил перешагнуть через бездыханное тело. Он даже не услышал, как в комнату вошла бабуля, жившая по соседству: несколько секунд она стояла в дверях, шальным взглядом смотрела на человека, стоявшего с револьвером в руках, а потом из ее горла вырвался истошный вопль, и она выскочила из комнаты, захлопнув дверь. А еще через пять минут, ударами сапог распахнув дверь, в комнату ворвались четверо милиционеров. Они направили стволы Тимофею в грудь, и вор понял, что опера только и ждут повода, чтобы изрешетить его пулями. И тут ему вдруг неимоверно захотелось жить. У него перед глазами пронеслась вся его недолгая жизнь, голодное детство без отца и без матери, его шальная воровская юность с вечной необходимостью убегать, прятаться, рисковать, лихие молодые годы среди уркачей, братвы и блатных девиц. Он вдруг понял, что, собственно, еще ведь ничего и не увидел в жизни, что она, как скорый поезд, все время проносилась мимо, оставляя ему на придорожной насыпи лишь жалкие отбросы да горький запах паровозной гари.

Тимофей бросил револьвер себе под ноги и спокойно произнес:

– Что же вы стоите... товарищи? Вяжите меня! Я не сопротивляюсь.

– Жить хочешь, паскуда? – злобно процедил один из оперов – круглолицый краснощекий парень и с сожалением нехотя воткнул свой наган в кобуру – Ладно, поживи еще. Вяжите его крепче, братцы!

Глава 3

Суд, перед которым предстал Тимофей, был скорым. Судья, сухощавый мужчина лет сорока пяти, нудным, тягучим голосом приговорил Тимофея за убийство сотрудника НКВД к высшей мере наказания – расстрелу. В сопровождении четырех молоденьких милиционеров вор выходил из зала под осуждающие крики толпы. Но были среди присутствовавших в зале и его подельники. Каждый из них понимал, что это последнее свидание с Тимофеем и через некоторое время душа осужденного отлетит в мир иной...

Сутки приговоренный провел в камере смертников. Бессонной ночью в узкой комнатке одного из подвалов Лубянки он вспоминал свою путаную жизнь.

Неимоверно хотелось жить, и оставшиеся два дня Тимофей воспринимал едва ли не как подарок Господа Бога. А ведь на воле он часто не замечал за картами или пьянством, как пролетают целые недели.

Когда через три дня звонко, нарушив долгую тишину, лязгнул замок камеры и четверо красноармейцев уныло, будто это им самим предстояло идти на расстрел, шагнули через порог, сердце Тимофея бешено забилося. Нет, просто так он не дастся, решил он про себя и, стиснув зубы, бросился на вошедших охранников: одного, ближайшего, он оглушил ударом кулака и вырвал у него из рук винтовку, другого отшвырнул ударом ноги в угол камеры и добил штыком, а двоих оставшихся расстрелял в упор. Возможно, тем самым он хотел вырвать у судьбы еще несколько часов жизни. Теперь он готов был драться за каждую секунду своего бытия. Имея в руках оружие, он собирался дорого продать свою жизнь. Через несколько часов дверь камеры резко распахнулась, и внутрь запустили трех могучих кавказских овчарок.

Первую бросившуюся на него собаку Тимофей проткнул штыком в момент прыжка, и она упала ему на грудь. Это уберегло его от страшных челюстей второго кавказца, который смог только располосовать зубами полу его рубахи. Отпрянув, Тимофей схватил винтовку за ствол, как дубину, и с размаху обрушил приклад на медвежью башку овчарки. Третий пес, которому мешали добраться до приговоренного две другие собаки, смог наконец броситься вперед, вцепился Тимофею в руку и повалил его на пол. Однако Тимофей подхватил винтовку свободной рукой и сделал ею выпад, словно шпагой. Острый трехгранный штык вонзился в собачье брюхо, горячая кровь брызнула Тимофею в глаза. Узник сделал еще один выпад, стараясь разодрать брюшину пса острием штыка. Пес разжал челюсти, заскулил и, неистово мотая головой и поджав хвост, забился в угол, волоча за собой шлейф кровавых внутренностей. Он скулил и дергался еще минуту-другую, а потом затих в луже собственной крови рядом со своими мертвыми сородичами. Все было кончено, но еще долго Удача судорожно сжимал в руках винтовку, ожидая, что в дверь ворвется еще какое-нибудь чудовище. Однако в коридоре царила гробовая тишина.

Через полчаса Тимофей увидел, как распахнулся глазок в двери, и удивленный юношеский голосок протянул:

– В-о-о-т гад! И собак порешил!

Тимофею захотелось плюнуть в глазок, но стоявший за дверью человек словно почувствовал его желание и скрылся за толстой пластиной железа.

Тимофей сумел вырвать у судьбы еще немного времени и сейчас наслаждался существованием. Он жил! Прокушенная рука налилась болью, но если бы ему сказали, что ради жизни нужно пожертвовать обеими руками, то он смирился бы и с этой потерей. Восторг переполнял душу Тимофея. Он не обращал внимания на разбросанные по камере трупы солдат и собак.

Скоро Тимофей услышал за дверью тихую возню. Однако теперь его уже ничего не пугало, он приготовился ко всему. Жажда жизни была столь сильна, что если бы сейчас в его камеру втолкнули медведя, то и медведю через пару минут борьбы пришел бы верный конец,

лежал бы косолапый с распоротым брюхом, издавая предсмертный хрип. Но окошко в двери отворилось, и Тимофей увидел усатую физиономию начальника тюрьмы.

– Не желаешь помереть по-человечески, гаденыш, тогда расстреляем тебя как бешеного пса в этой же камере. Это надо же, чего отчебучил! Сколько людей порешил! Лучших сторожевых порезал! Сидоренко!

– Слушаю, товарищ начальник!

– Чего раззявился?! Бумаги у тебя?

– Так точно!

– Зачитывай приговор... Все-таки мы власть. Нужно все сделать как положено, а иначе на самосуд начнет смахивать. Да погромче читай, а то у тебя голос хлипкий. Таким голосом, как у тебя, только девкам на завалинке похабные частушки петь.

В камеру опять заглянула смерть. Она предстала не в белом саване с огромной косой на плече, а в облике начальника тюрьмы с большущими рыжими усищами. Она материлась, словно торговка на базаре, грозила взысканиями оторопевшей тюремной охране и требовала выполнения всех инструкций.

Тимофей был неверующим и свысока относился к зекам, уповающим на Бога. Он всегда старался придерживаться иной философии: на Бога надейся, да сам не плошай. Однако в воровской среде надежда на Бога всегда была очень крепкой.

Возможно, эта вера была сродни генетической памяти и пряталась в душе каждого потомственного зека. Ведь существовали времена, когда монастырские обители давали кров не только простолюдинам, спасавшимся от иноземных захватчиков, но и укрывали воров от разгневанной толпы. И каждый знал, что, перешагнув порог храма, следует согнуться в три погибели перед святыми образами. Здесь не только руку поднять на инока – святотатство, но и выругаться по матушке – кошунство. И всякий, кто насмеялся над святой верой, объявлялся врагом и предавался позорной смерти.

Какая– то неведомая сила подняла руку Тимофея до самого лба, и он трижды перекрестился. Неожиданно его душа наполнилась уверенностью в том, что с ним ничего не случится и костлявая непременно споткнется о порог его камеры.

А начальник тюрьмы все торопил:

– Эй, караул, готовься! Ну чего рты поразевали, деревня! В тюрьме служите! Это вам не девок щупать. Ну чего телишься, Сидоренко? Сказано тебе было: читай приговор!

Теперь физиономия начальника тюрьмы уже не казалась такой страшной, и Тимофей даже подумал о том, что начальник похож на кота. От этой мысли смертник невольно улыбнулся.

– Скалишься, выродок! – рявкнул усатый. – Посмотрим, как ты дальше лыбиться будешь!

– Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики... – услышал Тимофей зауспокойный голос Сидоренко.

– Да ты не мне читай, мудило, мать твою! – не разжимая зубов, процедил начальник тюрьмы, шевеля рыжими усами. – Я, что ли, смертник?! К глазку подойди и ему читай! – ткнул он пальцем в сторону Тимофея, который с удивительным спокойствием ожидал приговора, стоя в самом углу камеры. Тимофей успел потерять интерес к происходящему. Теперь попытка убить его казалась такой же смешной, как клоунада в цирке. Он ощутил спиной холод камня и подумал о том, что очень не хотелось бы простудиться, поскольку впереди его ожидает долгая жизнь, а камера смертников не способствует сохранению здоровья.

Через секунду Тимофей увидел в окошке перекошенное от страха лицо охранника Сидоренко. Глядя на него, можно было подумать, что это именно Сидоренко приговорили к расстрелу.

– ...К высшей... мере наказания, – запинаясь, продолжил чтение Сидоренко. – Приговор окончательный, обжалованию в кассационном порядке не подлежит...

И вновь Тимофей увидел усатое лицо начальника тюрьмы.

– Заряжай! – почти восторженно выкрикнул он, и его рыжие усы зашевелились, словно крылья огромной бабочки.

Тимофей улыбнулся, а потом, не в силах больше сдерживать смех, расхохотался беззлобно и заразительно.

– Да как же можно? – неожиданно воспротивился приказу молоденький охранник. – Арестант-то наш спятил!

– Кому сказано, заряжай!

Сухо щелкнули затворы, и Тимофей увидел направленные в его грудь три ствола.

– Да ты бы хоть смеяться перестал, – едва ли не со слезами в голосе попросил Сидоренко. – Как же это можно палить, когда человек хохочет.

А Тимофей не унимался: видно, так хохочут черти, наблюдая за муками грешников. Его хохот набирал почти исполинскую силу, ему стало тесно в камере смертника, и он выпрыгнул через крохотное окошечко в двери и шаловливым постреленком побежал по длинному гулкому тюремному коридору.

– Товсь! Цельсь!

Смех споткнулся на самой высокой ноте и резко затих. Неужели предчувствие обмануло его и уже через мгновение он свалится на грязный каменный пол рядом с этими умерщвленными им солдатами и сторожевыми псами и его кровь смешается с собачьей? Тимофей зажмурился.

– Отставить! – услышал Тимофей властный окрик в коридоре.

– Товарищ Веселовский! – раздался растерянный голос начальника тюрьмы.

– Чем занимаетесь здесь?

– Да вот привожу приговор в исполнение согласно решению суда.

– Вижу, как производишь, – перебил его недовольно Веселовский, заглядывая в камеру. – Что ж это, он один половину твоей охраны перебил? С кем остальных заключенных охранять будешь? Или ты думаешь, товарищ Марусев, что штат у милиции безразмерный и тебе сюда на растерзание арестантам еще народ будут подкидывать?

– Так мы, товарищ Веселовский, сейчас мигом вес закончим.

– Отставить, я сказал! Или до вас еще не доходит, кто перед вами?

Стволы винтовок в мгновение ока вынырнули из амбразуры обратно в коридор, и Тимофей понял, что предчувствие его не обмануло: смерть только дохнула в его лицо ледяным холодом и прошла мимо. Он поднес ладонь ко лбу и вытер крупные капли пота.

– Открывай... Взглянуть хочу на вашего героя!

– Товарищ Веселовский, он четырех охранников завалил и трех собак порезал, неужели не боязно?

– Большевикам бояться не к лицу. Ну, долго я буду ждать?

Сначала затворилось окошечко в двери, а потом забренчали ключи, лязгнул замок, и дверь со скрипом отворилась. В камеру шагнул невысокий плотный мужчина лет сорока, одетый в выцветшую гимнастерку и яловые сапоги. Из-под распахнутого ворота виднелась тельняшка. Он напоминал обыкновенного обитателя Соловецких лагерей. После кронштадтского мятежа матросами были заполнены все зоны. В покорителях морей изначально проглядывала какая-то воровская раскрепощенность и пиратская лихость, которая заставляла даже матерых каторжан считаться с ними. На зонах матросы отличались редкой сплоченностью, несвойственной другим заключенным. Всякого, кто носил тельняшку, называли «братком». Уркам памятли были дни, когда матросы вырезали целые бараки блатных за то, что кто-то из люмпенов бесчестил по матушке «сынов революции».

Позже многие из бывших матросов растворились в воровской среде, возглавили бандитские шайки и стали авторитетнейшими уркачами. Тельняшка же превратилась в один из атрибутов воровской доблести...

– Товарищ Веселовский, с вами еще три бойца войдут, – заглянул в дверь начальник тюрьмы.

– Оставь их при себе, они мне без надобности. Или ты думаешь, что я не способен справиться с одним лишь зеком?

– Нет, товарищ Веселовский, я так не думаю, ни все-таки...

– У меня к тебе есть одна просьба, Марусев! – оборвал его Веселовский.

– Слушаю вас, – начальник тюрьмы всем своим видом изобразил напряженное внимание.

– Запри нас покрепче и никого не впускай, что бы ни случилось.

– Да как же можно? Он же смертник!

– А вот так! Если я говорю, значит, можно, – резко сказал Веселовский.

Тимофей невольно улыбнулся. Этот разговор чем-то напоминал ему разговор авторитетного уркагана с рядовым сивкой. «Худшего уже не будет», – подумал Тимофей. Ему определенно нравился этот начальник в тельняшке и с замашками солидного уркагана.

– Слушаюсь! – наконец-то сдался начальник тюрьмы. – Ежели что, мы здесь!

Дверь со скрипом затворилась за вошедшим. Через мгновение злорадно щелкнул замок, оставив Веселовского наедине с приговоренным.

– Я-то думал, что к богатырю захожу, а ты и ростом-то не особенно вышел. Но вижу, что силой не обижен. Как это ты их всех? – кивнул Веселовский на лежавшие вокруг трупы.

– Не знаю, сам удивляюсь, – честно признался Тимофей. – Просто жить очень хотелось.

– Это очень хорошо, что жить хочется, – одобрительно кивнул Веселовский. – Меня зовут Герман Юрьевич. – Он перешагнул через распластанное тело милиционера и протянул руку. – Будем знакомы. Да ты брось ружье-то. Или боишься меня? Четверых не испугался, а меня одного боишься?

Помедлив, Тимофей разжал пальцы, и винтовка с лязгом упала на залитый кровью бетонный пол. Тимофей осторожно протянул руку для пожатия.

Ладонь у Веселовского оказалась крепкой, мужицкой, как будто он всю жизнь работал лопатой или топором.

– Так, значит, говоришь, жить хочешь...

– Хочу, – кивнул Тимофей.

– Ну что же, именно от меня и зависит, увидишь ты завтрашний рассвет или нет... Имею к тебе предложение.

– Я готов его выслушать, – согласился Тимофей. Голос у Веселовского был негромкий, но завораживал своей твердостью и четкостью, и Тимофей почувствовал себя совершенно беззащитным перед этим внешне непримечательным, но, видимо, очень сильным человеком. Нечто подобное ощущает кролик, услышав шипение змеи.

– Есть у нас на Северном Урале лагерь, где мы собрали уголовный сброд со всей России. Поселочек называется Североуральск. Тамошняя охрана не справляется с зеками – распустились урки, режут друг друга, насилуют... Так вот, мы бы хотели, чтобы ты помог нам установить там порядок. Такое дело как раз для твоего характера будет. Ну как, возьмешься?

Тимофей не удивился бы, если бы Веселовский рассказал ему о своем уголовном прошлом и, задрав тельняшку до горла, показал бы авторитетную наколку на груди. Если придется с таким мужиком в одной упряжке работать, то почему бы и не согласиться?

– Согласен!

– Ну вот и сладили. Молодец. Но хочу тебя предупредить, чтобы наш уговор остался между нами.

– И я не против, – понимающе кивнул бывший смертник.

– У меня в кармане мандат, который дает мне широчайшие полномочия, – продолжал Веселовский. – Если мы с тобой сработаемся, то ты не только уцелеешь, но можешь скоро выйти на волю. Тебе все понятно?

– Да.

– Так вот, сегодня у тебя начинается новая жизнь, парень. А к ней положена и новая фамилия. Какая у тебя была прежняя?

– Никакой. Я ведь из беспризорников, а у нас только клички. Моя – Удача.

– Вот как. А пальцы ты где свои потерял? – показал Веселовский взглядом на забинтованную кисть.

– Долго рассказывать. Наказали...

– Понимаю. Ну, тогда отныне твоя фамилия будет Беспалый. Устраивает?

Тимофей невольно усмехнулся:

– Сгодится. Может, со временем привыкну.

– Сегодня ты еще будешь здесь, а завтра тебя отправят по этапу.

Готовься. – И Веселовский стукнул кулаком в дверь. – Эй, Марусев, отворяй! Или ты меня навсегда решил здесь запереть? Для меня даже полчаса заточения – это уже слишком!

Дверь отворилась, и Тимофей вновь увидел взволнованное лицо начальника тюрьмы.

– Герман Юрьевич, и рассказать невозможно, что я пережил за эти минуты! А если бы он, изверг, надумал порешить вас!

– Завтра заключенный поступает в мое распоряжение, – не обращая внимания на слова начальника тюрьмы, бросил Веселовский и, не оборачиваясь, вышел из камеры.

Веселовский не обманул – уже на следующий день Тимофей Егорович Беспалый вместе с четырьмя десятками заключенных и новеньким паспортом, вложенным в папку с его «делом», отбыл в товарном вагоне в северные края.

Глава 4

Североуральский лагерь, куда перевели Тимофея Беспалого, и в самом деле оказался проклятым местом. Он стоял на большом каменном плато посреди бескрайних болот. Со всех сторон зона была ограждена несколькими рядами колючей проволоки, а вышки, расположенные по углам, напоминали исполинских часовых, застывших в карауле. Этим лагерем пугали зеков всего Заполярья. Здесь был самый строгий режим, и именно сюда отправляли самых непокорных заключенных. Хватало проведенной здесь недели, чтобы понять: любой другой лагерь – санаторий по сравнению с Североуральским. Значительную часть осужденных составляли совершившие ранее побег, и лагерное начальство уповало на то, что раскинувшиеся вокруг бескрайние болота и тундра излечат любителей пускаться в бега от скверной привычки.

Тимофей скоро узнал, что побег из Североуральского лагеря практически невозможен и в девяноста случаях из ста караул даже и не пытается отыскать беглеца, потому что до ближайшего поселения надо топать пару сотен километров по непролазным болотам. Если беглец сумеет их преодолеть и не погибнет от безжалостных волчьих клыков, то его непременно прирежут местные охотники, которым местные власти и лагерное начальство сулило за каждого беглого зека по три литра спирта, денежную премию и свое доброе отношение. А потому коренное население охотилось за побегушниками с таким же рвением, с каким оно травило медведей-шатунов.

Но чаще всего беглецам не удавалось преодолеть даже и полусотни километров, а их белые кости, обглоданные песцами, можно было встретить в самых неожиданных местах: у ручья (кто-то решил напиться, прилег и от усталости не сумел подняться), в волчьей яме (провалился, а сил выбраться не осталось). Лишь изредка обнаруженного покойника погребали по христианскому обычаю, но вместо креста втыкали у ног обыкновенную палку с консервной жестянкой, на которой выцарапывалась кликуха усопшего. В Североуральский лагерь на машине можно было добраться только в начале осени, когда мороз сковывал раскисшие тропы, но снег еще не заваливал дорогу могучей непроходимой толщей. Снег ложился на здешние сопки уже в конце сентября. А потому первый после летнего бездорожья этап всегда был скорым и многочисленным.

Об этом лагере среди заключенных ходило множество сплетен, и трудно было понять, где правда, а где ложь. Достоверно знали одно: сюда отсылали наиболее ершистых и неуправляемых зеков, от которых отказывалось лагерное начальство в других лагерях. В начале тридцатых годов в Североуральском лагере зеки подняли бунт, перерезали всю охрану и захватили власть на зоне на долгие пять летних месяцев. Когда к осени кончились съестные припасы, а большая часть зеков безрассудно пустилась в бега, в лагерь по первому зимнику явился отряд НКВД и расстрелял почти всех зеков, оставшихся в лагере и не сдавшихся по первому требованию прибывшего отряда. Поговаривали, что у восставших был план по зиме заявиться с оружием на соседние зоны, освободить лагерников, а потом двинуться на «материк». Возможно, из этой акции что-нибудь и получилось, если бы две враждующие группировки воров не вспомнили старые обиды и не принялись резать друг друга с хладнокровием мясников, разделяющих коровьи туши. Но то были дела минувшие, хотя даже и сейчас, значительно усилив охрану, лагерное начальство не чувствовало себя в полной безопасности и сам «кум» не всегда решался поворачиваться к зеку спиной, опасаясь получить заточку между лопаток.

На зоне никто из вертухаев никогда не расставался с оружием. Офицеры зоны, обнимая своих жен на супружеском доже, под подушкой всегда держали револьвер.

Едва колонна заключенных, растянувшаяся на добрых полторы сотни метров, вышла из-за сопки, поросшей светло-зеленым ягелем, как вдалеке показались караульные вышки, обвитые мотками колючей проволоки.

Топавший во главе колонны комроты устало улыбнулся. Тимофей не сомневался, что в этот момент он подумал о бесконечном пути, оставшемся за спиной, и о кружке спирта, которой встретят его товарищи. Приумолкли даже псы: теперь их лай казался не столь яростным, а в кроваво-желтых глазах просматривались усталость и сетование на никчемную собачью жизнь. Наверняка у псов тоже имелась какая-то своя собачья мечта, и за видневшейся вдали колючей проволокой они чуяли теплую конуру и миску ароматной похлебки.

Колонна остановилась. Зеки, изнуренные долгой дорогой, ту же глядели на клочок земли, огороженный колючей проволокой, едва ли не с радостью, надеясь в конце концов хоть как-то укрыться от холодного ветра и немного восстановить силы.

Тимофей снова вспомнил свой разговор с Веселовским.

– Места там дрянь. Гиблые! – откровенно признавал тот. – Но если не сгниешь заживо в первые год-два, я тебя непременно вытащу оттуда. Твоя задача – завоевать доверие лагерников, но для этого тебе придется посидеть для начала в БУРе. Конечно, барак усиленного режима – место не самое комфортное, но зато это прибавит тебе авторитета. Хозяин лагеря в курсе, он тебя поддержит, когда потребуется.

Отдых продолжался недолго. Вновь молодой охранник хрипловато прокричал:

– Шаг вправо, шаг влево расценивается как побег, будем стрелять без предупреждения! А теперь пошли!

Молодые красноармейцы прекрасно понимали, что в колонне не найдется ни одного охотника ступить в сторону от дороги даже на полметра. Тот, кто осмелился бы нарушить приказ, остался бы навсегда лежать на заснеженной обочине в самом начале длиннющего северного каторжного тракта. Да и глупо было бежать именно сейчас, когда до зоны оставалось каких-то полтора километра, а там ведь какое-никакое жилье и жратва.

Вместе со всеми зеками по суровому тракту топал и Тимофей Беспалый, стараясь не отстать от первого взвода. За время долгого пути он успел изучить затылки своих соседей и больше знал их не по кличкам, а по ушам.

Собаки, будто бы вспомнив про свой служебный долг, озлобленно, с удвоенным рвением забегали вокруг колонны, заставив ряды заключенных сомкнуться теснее. Сырой северный ветер далеко разносил по округе хриплый собачий лай.

Глава 5

У ворот колонна остановилась. Словно не устояв под мощным порывом ветра, ворота распахнулись, выпуская на территорию несколько сот исхудавших мужиков с номерами на спине.

Старожилы, обступив локалку, громко выкрикивали:

– Хлопцы, из Минска кто е?

– Есть!

– Мужики, из Казани есть кто?

– Пятеро!

– Из Костромы?

– Из Рязани?

– Есть ли на зоне кто из Вологды? – спрашивали в ответ. – Отзовитесь, земляки!

– Да тут нас всех понемногу, – считай, всю Россию согнали сюда!

– Давно ли с воли?... Что нового в миру делается? Англичане, говорят, на нас скоро полезут!

– А нам-то что переживать, до Сибири все равно не дойдут...

Прибытие нового этапа всегда считается праздником. Среди новеньких можно не только разжиться заныканным табачком, но и услышать, что творится в гражданской жизни, где просыпаются не от лая караульных собак, а от поцелуя жен и любовниц и слушают не матерную брань озверевших вертухаев, а надтреснутый голос Леонида Утесова из репродуктора или патефона.

Старожилы зоны даже события полугодовой давности воспринимали как свежую новость и не без интереса спрашивали о здоровье товарища Иосифа Сталина и товарища Максима Горького. Уже после трехдневного пребывания в зоне Тимофей успел понять, что Иосиф Виссарионович не пользуется у зеков особой любовью, они называли его грубовато – Гуталином. Однако это не мешало им колоть на левой стороне груди усатые профили. Каждый наивно полагал, что ни у одного из сотрудников НКВД не поднимется рука пустить пулю в суровый лик вождя.

Новоприбывший этап месяц держали в карантинном бараке, и переговорить с земляками можно было только через широкий проход, огороженный с двух сторон колючей проволокой.

Начальником зоны был кругленький коротышка с огромной лысиной.

Поговаривали, что по образованию он филолог и долгое время работал в Институте языка и литературы, однако сейчас никто не смог бы его представить над раскрытой книгой в тиши университетской библиотеки. Звали начальника зоны Николаем Николаевичем Леватым, однако зеки за крупную лысую голову окрестили его Шаром. Он носил мешковатую, часто испачканную углем гимнастерку, которая выглядела на нем естественнее любого другого наряда. Собственно, в другой одежде его никогда не видели. Казалось, он родился для того, чтобы в Заполярье гнуть в бараний рог строптивую русскую волю. А выражался он на «блатной музыке» так изысканно, что его умению завидовали даже матерые зеки. Меткие словечки начальника зоны гуляли по всему лагерю, а потом передавались в соседние лагеря, где мгновенно подхватывались, и уже через год пущенное Леватым словцо становилось настоящей феней.

Было известно, что Леватый с начала двадцатых годов служил в НКВД и рос по службе стремительно, словно тесто, замешенное на добрых дрожжах, но его сгубила свойственная многим мужикам слабость – женщины. Начальник управления, бывший комкор Южного фронта, застал его как-то в самый неподходящий момент, когда он задрал на его секретарше юбку и, спустив штаны до колен, уже приготовился к схватке. Подобная шалость сошла бы ему с рук, если бы он вздумал поиграть в эти игры с любой обычной бабенкой из женского персонала. Беда была в том, что сам начальник давно обхаживал хорошенькую секретаршу, и многие в

управлении даже поговаривали, что он весело проводит с ней время на стоявшем в его кабинете широком кожаном диване.

После этого случая суровый комкор запихнул Николая Николаевича в такую глушь, что добраться к тому нельзя было ни на каком виде транспорта, кроме упряжки выносливых оленей.

Пробыв пару месяцев в заполярной глуши, бывший специалист по политическим диверсантам переориентировал свою сексуальную направленность на педерастов, которых в лагере называли «телками». И поскольку он был мужиком легко возбуждающимся, то скоро в его лагере среди «телок» не осталось ни одного, кого он не удостоил бы горячего свидания и не угостил бы затем дешёвенькой карамелькой. Последнее Леватый делал всегда принародно: на вечерней поверке выстраивал в шеренгу зеков и, приложив к губам медный рупор, орал:

– Заключение Трофимов, подойти ко мне!

Когда осуждённый выходил из строя, он совал ему в ладонь леденец и объявлял:

– Сегодня ты доставил мне маленькую радость, возьми себе за труды гостинец.

Отказаться от свидания и публичного подарка отваживался не всякий пидор, но если такое случалось, то дерзкого непременно запирали в БУР и держали на промерзшем грунте без питья и еды до тех пор, пока он наконец не осознавал всю важность оказанной ему чести и не изъявлял желания уединиться с начальником лагеря на часок.

Николай Николаевич частенько бывал пьян и, несмотря на лютый холод, без конца потел, напоминая округлый бочонок, доски которого разошлись и из щелей сочится вино. Привлечённая запахом пота, над его головой, образуя подобие нимба, постоянно вилась мошकारа. Чтобы отвести ее, Леватый не брезговал мазать лицо болотной жижей и частенько расхаживал по лагерю с перемазанной физиономией.

Зеки боялись его. И на это у них были свои причины: дважды они пытались завалить своего мучителя штабелями бревен, когда он проходил мимо лесного склада, но оба раза providение спасало начальника зоны. В первый раз он сумел прыгнуть в яму, и огромный, в полтора обхвата ствол только расцарапал ему щеку; во второй раз он чудом уцелел, увернувшись от целой пирамиды бревен, обрушенной зеками на то место, где секунду назад стоял их начальник.

В обоих случаях Леватый безошибочно угадал зачинщиков. Казнь была страшной: Шар повелел раздеть зеков донага, а потом выставил за ворота лагеря.

На прощание он сказал:

– Вижу, что вам не нравится наша социалистическая коммуна. А жаль...

Живите тогда как хотите, ступайте себе с миром. Вот вам Бог, а вот вам порог.

Ясно было, что раздетые и разутые зеки не сумеют протянуть в тундре и суток. И действительно, когда по их следам через сутки отправился караул, то в пятнадцати километрах от лагеря нашли их трупы, уже обглоданные песцами и мошкаррой.

Глава 6

Через восемь дней после прибытия в лагерь нового этапа Леватый вызвал к себе Тимофея Беспалого.

Каморка, где располагался хозяин зоны, была уютной и чистой: на окнах кружевные занавески, на полу мягкие ковры. И невозможно было поверить, что в нескольких шагах отсюда течет совсем иная жизнь, которая скорее напоминает круги ада, нежели человеческое существование.

Постучавшись и получив разрешение войти, Тимофей открыл дверь комнаты и неловко застыл на пороге, опасаясь запачкать грязными подошвами вымытые до блеска полы. А когда Леватый дружелюбно поманил его рукой, он долго и тщательно вытирал ноги о грубую щетку для обуви, закрепленную перед входной дверью, и, лишь убедившись, что сапоги стали чистыми, решился шагнуть в комнату к «куму».

Хозяин сидел на краю кровати. Из-под цветастого покрывала выглядывала белоснежная простыня.

– Веселовский мне о тебе все рассказал. – Леватый впечатал тяжелый взгляд в исхудавшее лицо Тимофея. – Так это правда, что ты собак голыми руками передушил?

– Нет, не правда, – покачал головой Тимофей. – Штыком и прикладом.

Он закатал правый рукав и показал на предплечье затянувшиеся рваные раны.

– Смотри, хозяин... Мне этот подвиг достался недешево, – Вижу, вижу. Видать, ты отчаянный парень. И хорошо, что не врешь.

Вот что я тебе хочу сказать: последнее время у меня с вашим братом зеками получается все очень непросто. Народ в лагере собрался самый непредсказуемый.

Имеются такие, которые бегали по пять-шесть раз и никак не могут остановиться на достигнутом. Впрочем, у нас тут далеко не убежишь, летом болота непроходимые, а зимой холод лютый, так что скорее сдохнешь, чем куда-либо выберешься. Поэтому побегов я не опасаюсь. Если пожелает кто, так я перед смельчаком могу и ворота пошире распахнуть. Много их таких по тундре вокруг валяется. Одни кости остались. А к тебе у меня вот какой разговор. Я тебе готов помочь стать старшим среди зеков. Ты будешь присматривать за ними. Я тебе дам ряд привилегий: позволю то, что не положено другим. Твоя же задача – не дать повториться той беде, что произошла здесь пару лет назад. Слыхал что-нибудь об этом?

– Кое-что слышал. Братки захватили на зоне власть, перебили всю охрану, а потом решили освободить соседние зоны.

– Верно. Об этом тебе рассказал Веселовский?

– Да.

– Ну что же, видно, из этого уже не сделаешь тайны, – глубокомысленно вздохнул Леватый.

– Это точно. Все северные зоны только об этом и говорят... – подтвердил Беспалый.

– Ладно, Беспалый. Давай так: подберешь себе команду из лагерников и с ее помощью начнешь устанавливать свои новые порядки. А я тебе в этом помогу.

Для меня самое главное, чтобы мы с тобой добились того, что нужно, и чтобы порядок был таким, какой нам нужен. Ты меня понял?

– Как не понять, товарищ начальник!

– Водки хочешь? – почти дружески поинтересовался Леватый.

– Не откажусь.

Леватый молча достал граненый графин и щедро налил вору водки в большую металлическую кружку – Можешь считать, что это твой первый аванс за верную службу, – «кум» протянул вору кружку, наполненную до самых краев.

Тимофей размышлял несколько мгновений. Начальник лагеря не поставил кружку с водой на стол, а именно протянул, рассчитывая, что вор возьмет ее из рук «хозяина». Если подобное случалось на людях, то соблазнившийся зек непременно попадал к «хозяину» в зависимость. И, словно угадав мысли Тимофея, начальник лагеря, демонстрируя уважение к зековским принципам, поставил кружку на край стола и слегка улыбнулся, приглашая Беспалого взять водку как равного собутыльника.

Варяг слушал рассказ Беспалого с таким напряженным вниманием, что неожиданная трель мобильного телефона заставила его вздрогнуть. С досадливой гримасой он поднес аппарат к уху и услышал голос Чижевского:

– Владислав Геннадьевич, есть кое-какие новости. Мои люди сейчас позвонили из Москвы мне в гостиницу – они просмотрели материалы видеозаписи, которую вели возле ресторана...

– Только сейчас?! – недовольно перебил Варяг.

– Владислав Геннадьевич, побойтесь Бога! Вы же помните, какой тогда был суматошный день после этого взрыва, – обиженно возразил Чижевский. – Пока ребята освободились, пока смогли спокойно сесть на базу и начать работать, пока просмотрели все пленки... Запись-то велась в течение многих часов и с двух точек плюс они еще получили кассету, записанную ресторанной видеокамерой...

– Ну и ну, – удивился Варяг. – Подход серьезный... Чижевский уловил в его насмешливой интонации одобрение и, успокоившись, ответил в том же тоне:

– А как же, Владислав Геннадьевич! Серьезные мероприятия требуют такого подхода. Всякое ведь могло случиться...

– Да и случилось, – заметил Варяг.

– Так вот я к этому и веду... В течение дня машину заминировать не могли – в ней постоянно находились либо водитель Саша, либо мы с Сашей вдвоем.

К тому же перед выездом на мероприятие я на всякий случай осмотрел машину и снаружи, и даже внутри. Помню, Саша еще обиделся на меня из-за этого...

– А чего обижаться? – хмыкнул Варяг. – Это работа.

– Я так ему и сказал... Но в машине все было чисто. Остается только то время, в течение которого машина находилась на стоянке возле ресторана.

– И что же говорит видеозапись? – нетерпеливо поинтересовался Варяг.

– Да в том-то и штука, что вроде бы ничего не говорит. К машине никто не подходил, по крайней мере на такое расстояние, чтобы подложить бомбу, – с грустью сообщил Чижевский. – На той видеозаписи, которую мои орлы получили из ресторана, стоянка тоже просматривается, и тоже нет ничего интересного.

– Это что, все новости? – с иронией спросил Варяг.

– Отсутствие новостей – тоже новость, – рассудительно произнес Чижевский. – Я просто хотел обрисовать вам картину, а потом вместе подумать, как следует понимать такой расклад.

– Очень хорошо, Николай Валерьяныч, вот и думай, – подхватил Варяг.

– Думать над этими проблемами – твоя работа. Извини, у меня тут беседа важная, так что ты звони, только когда появятся конкретные соображения. Давай, остаемся на связи.

Убирая телефон обратно в карман, Варяг поймал иронический взгляд Беспалого.

– Видать, и нынче нелегка воровская жисть, – усмехнулся старик. – Никак стряслось что-то?

– Стряслось, Тимофей Егорыч, но худшее уже позади, – ответил Варяг.

– Теперь пойдет разбор полетов. Извините, мне придется иногда отвлекаться.

– Ничего, ничего, отвлекайся, – разрешил Беспалый. – Ну что, пока никто не звонит, поехали дальше?

Веселовский не ошибся, выбрав из огромного количества зеков именно этого паренька по кличке Удача. Тимофей среди воров пользовался авторитетом, и хоть сам был небольшого роста, но обладал недюжинной силой, которую пришлось почувствовать на себе многим. В биографии Тимофея была еще одна деталь, которая привлекла Веселовского: Тимоха вышел из среды беспризорников, а это была отменная школа, которую ценили даже самые закоренелые блатные. Беспризорники обладали редким качеством – умением не забывать друзей детства. Их сообщество напоминало братство, создавшееся в пору голодного детства и хранимое до глубокой старости. Они доверяли друг другу безоглядно и друг для друга были готовы пожертвовать всем.

В первую же неделю своего пребывания на зоне Тимофей собрал вокруг себя всех бывших московских беспризорников, которых набралось в лагере около двадцати человек. Каждый из них знал Тимоху как заслуженного вора. Одно то, что он был приговорен к расстрелу и не допустил до себя поганых чекистов, свидетельствовало о его особо крепкой воровской натуре, о том, что он вор от Бога. Его уважали еще и за то, что вся его жизнь прошла на глазах братвы.

Однако даже все эти обстоятельства не помешали бывшим беспризорникам встретить его предложение с некоторым скепсисом.

– Ты что, Тимоша, из нас сук хочешь сделать? Мы уже начинаем сомневаться в том, что когда-то с тобой беспризорничали в Замоскворечье, – хмуро пробасил молодой вор по кличке Дунай. Этот парень был родом из Бессарабии и до двенадцати лет прожил в цыганском таборе, пока однажды не оказался в Москве и не прибил к группе беспризорников, где верховодили Мулла с Тимохой.

– Можешь не сомневаться, Дунай, я – тот самый Тимоха и ничуть не изменился с тех пор, как мы шмонали по карманам московских фраеров. Да только я хочу сказать тебе, что если мы примем предложение Леватого, то сумеем помогать своей братве. Кто сейчас на зоне пахан? Плешивый Макар? Так он у нас в запое ходить станет! Когда это было, чтобы беспризорники шеи гнули перед разной контрой? То он сначала в матросах служил, то анархистом сделался, а то вдруг решил в меньшевики податься и всюду свои порядки норовит устанавливать. А на зонах и в лагерях должен быть один закон – наш, блатной!

– Это ты верно подметил, Тимоша, – поддержал Беспалого Аркан. – Кто, как не мы, шантрапа и беспризорники, должны блюсти закон? С этими политическими в лагерях стало много мути. А вообще я тебе хочу заметить, Тимоша, закон – это понятие неизменное, он не бывает ни белым, ни красным, закон – он один для всех и его надо блюсти свято. А в лагерях это важно особенно. Спросите урок, как они сидели на царской каторге? Даже самый махровый подчинялся решению схода.

Постреляли чекисты уркаганов, на которых держалась воровская правда, а пришлое решили по-новому управлять. Мы же должны возобновить старые традиции и собрать сходняк, который установит законы для всех здешних лагерей.

– Ты меня правильно понял, Аркан. – Губы Беспалого растянулись в довольной улыбке. – Ну, так что скажете?

– Если это на пользу братве, так чего же отказываться, – подали голос зеки из дальних углов барака – Мы согласны, только ты скажи, что дальше делать?

– Мне стало известно, – важно сказал Беспалый, – что этот лагерь расформируют через несколько лет, а нас распределят по другим лагерям. Вот тогда наш закон может распространиться по всем зонам.

– Верно. Очень правильно! – загалдели зеки. – Мы с тобой, Тимоша!

Пора кончать с произволом! Хватит сукам командовать блатарями!

Глава 7

Уже на следующий день Макар Плешивый был смещен со своего трона – полсотни зеков, вооруженных заточками, ворвались в барак, где размещался бывший анархист и меньшевик со своими друзьями. Блатари резали всякого, кто становился на их пути. Макару затянули на горле тонкий шнур и, уже полузадушенного, таскали его по баракам, показывая всей зоне, что от прежнего величия ее главаря ничего не осталось. Потом Плешивого опустили всем кагалом. Двенадцать человек бывшей матросни, составлявших ближайшее окружение Макара, были опомоены в сортире – их по очереди сунули харями в очко. По лагерным меркам падать ниже было просто невозможно, и каждый уважающий себя зек обязан был заткнуть пальцами нос, когда обесчещенные проходили мимо.

Беспалый в окружении трех десятков человек – верных корешей – ходил из барака в барак, поясняя зекам:

– Плешивый Макар – сука! За это он и получил по заслугам. Что это за вор, который обижает своих? Он – крысятник! Ему уже давно полагалось в запомоенных ходить, и мне стыдно, братва, что вы сами не сунули его головой в дерьмо. Теперь я буду заботиться о вашем благе, и, если возникнут трудности, обращайтесь ко мне.

Узнав о последних событиях, Леватый только злорадно хмыкнул, – лучшего способа расправиться с Макаром и его матросиками нельзя было придумать.

Если бы это сделали не зеки, а охрана, пустив в спину вору порцию свинца, так блатные, презрев смерть, сами пошли бы грудью на колючую проволоку, и не исключено, что повторилась бы кровавая трагедия, разыгравшаяся несколько лет назад. А беспризорная шантрапа сумела сразу нагнать страху на всю зону, мгновенно парализовав ее волю к сопротивлению и единству. Леватый думал о том, как теперь важно приручить неговорчивого Беспалого, чтобы держать его на коротеньком поводке, а при случае науськивать на твердолобых.

Лишь позже Леватый понял в полной мере, какие далеко идущие последствия может иметь случившееся.

Через месяц Леватому сообщили, что лагерь его будет расширяться.

Вокруг него планировалось построить рабочие поселки и предприятия по добыче угля, гранита и никеля, на которых будут работать вольнонаемные и расконвоированные. К лагерю уже вели дорогу, которой предстояло напрямую связать эту заболоченную глухомань с городами. Начальник зоны благодаря разведанным в округе богатейшим месторождениям угля и никеля должен был постепенно переквалифицироваться в директора крупнейшего добывающего предприятия и стать советским промышленным магнатом. Помимо производственных забот на его плечи ложились проблемы жилищного строительства, безопасности населения и многое такое, о чем начальнику удаленного лагеря строгого режима Думать не приходится. Ясно было одно: на реализацию всей этой обширной программы невозможно будет сыскать достаточно добровольцев даже в том случае, если бросить клич по всей России, и строить все это, а потом осваивать придется именно зекам. Значит, опору начальнику лагеря придется искать опять же среди зеков, чтобы основная масса заключенных постоянно чувствовала на своей шее крепкий хозяйский ошейник.

А еще через неделю Леватый получил секретное предписание, которым требовалось выявлять людей, готовых сотрудничать с лагерной администрацией. В дальнейшем таким людям следовало поручать не только надзор за хозяйственными работами, но даже конвоирование заключенных. Для этих целей как нельзя лучше подходила команда Беспалого – со своими братками-беспризорниками он сумел подмять под себя практически всю зону. Любые указания Беспалого беспрекословно выполнялись, осужденные вели себя так, что скорее напо-

минали богобоязненную паству, ожидающую слова своего духовного наставника, нежели уркаганов, совершивших в своей жизни не одно преступление.

Леватый стал замечать, что Беспалый с каждым днем все больше и больше вживается в свою новую роль. Тимоха ревностно следил за порядком, и то, что порой не мог сделать целый взвод вооруженных до зубов конвоиров, мог сделать Беспалый одним своим словом. В сопровождении нескольких человек, составлявших его личную охрану. Беспалый обходил бараки и добивался всего, что ему было нужно: если требовалась уборка, значит, устраивали уборку, если нужно было установить тишину перед отбоем, то тишина наступала такая, какой не бывает и в монастырях с самым строгим уставом. Взамен от начальника лагеря первое время Тимоха просил немногого – свободного передвижения по лагерю, спирта для себя и своей оравы да регулярных экскурсий в женский лагерь, располагавшийся километрах в двадцати на восток от их зоны.

Однажды Леватый прослышал о том, что группировка блатных во главе с Беспалым, пользовавшаяся его покровительством, стала именовать себя «ворами в законе». По мнению Николая Николаевича, это название довольно точно определяло их сущность – построенный в лагере порядок Беспалый и его люди прозвали «законом» и, будучи его официальной опорой, продолжали в то же время оставаться ворами. Именно поддержка администрации позволила ворами навязать всем зекам свои принципы, и лагерь, расколотый ранее на множество каст, различавшихся по социальному происхождению, вероисповеданию, возрасту и другим признакам, превратился в единый монолит, в котором правил закон блатных.

Вскоре запросы у Беспалого стали меняться. Он потребовал и получил у начальника разрешение отстроить себе на территории лагеря небольшой домик, в котором ему прислуживали несколько заключенных. От обычной пайки он также отказался, и теперь пищу ему готовил первоклассный повар, зек по кличке Колпак, работавший до заключения в московском ресторане «Бристоль». Презрев нары, Тимофей отныне спал на роскошной широкой кровати, всегда застланной белыми простынями.

Образовавшееся на зоне двоевластие вполне устраивало Леватого: если Беспалый верховодил тысячами заключенных, отвечая своей личной шкурой за беспорядки на территории лагеря, то начальник зоны – или «кум», как его чаще звали зеки между собой, – имел дело лишь с самим Беспалым да с горсткой приближенных к Тимохе воров, а это было и менее хлопотно, и более безопасно.

Леватый тем не менее не выпускал ситуацию из-под контроля, и если дисциплина начала расшатываться, то он мгновенно урезал пайки и выгонял заключенных на внеплановые работы, тем самым давая понять, кто в лагере настоящая власть. Его профилактические действия «законными» ворами воспринимались с пониманием, и уже на следующий день нарушителей дисциплины беспощадно наказывали, а порой запомоивали, что было куда страшнее любых побоев – ведь после того, как зека запомоят, у него одна дорога: чистить сортиры да обслуживать чужую похоть.

Уже через полгода невозможно было поверить, что когда-то этот лагерь по всему Запоярью называли «Приютом необузданных». Ватага бывших беспризорников накинута такую крепкую узду на «беспредельный» лагерь и установила в нем такой жестокий порядок, что всякому крамольнику, посмевавшему воспротивиться воле лагерного начальства и указаниям Тимошки Беспалого, тут же надолго, если не навсегда, портили жизнь и здоровье. Невозможно было поверить, что еще несколько месяцев назад весь лагерь мог легко уходить в «отрицаловку», не желая работать на Советскую власть и на товарища Сталина. Сейчас даже матерые урки, за всю свою жизнь не проработавшие на «хозяина» и двух дней, махали кайлом, грузили глыбы породы, таскали тележки с таким рвением, что со стороны казалось, будто им посулили либо золотые горы, либо вечную свободу.

На самом деле урки долбили гранит, подстегиваемые страхом.

Надрываясь на лагерной работе, они про себя проклинали и лагерное начальство, и всю эту оголтелую команду беспризорников и, конечно же, их главаря Беспалого.

Зеки волочили огромные куски породы к реке, складывали их на дощатый помост уводы и, сцепив зубы, мечтали о побеге, который в эти минуты представлялся им куда более желанным, чем изнурительный непосильный труд, доводивший их до истощения и полного бессилия. Но бежать было некуда.

Несколько раз осужденные отказывались работать, но всякий раз Беспалый находил способ сломить их сопротивление. Двоих зачинщиков нашли на следующий день с перерезанной глоткой; четверо закончили свое существование в петле; человек шесть стали калеками в результате побоев, но большая часть саботажников пополнила прослойку педерастов, для которых, по предложению Беспалого, был выстроен новый спецбарак.

Высококачественный североуральский гранит добывался ускоренными темпами, и при этом начальнику лагеря Леватому уже не приходилось мотаться по всем объектам и следить за ходом выполнения работ. Теперь Леватый мог позволить себе среди рабочего дня полеживать под пологом, спасая краснощекое лицо от свирепого гнуса, и попивать присланный из Ленинграда коньячок. При этом он не беспокоился о том, будет ли сделана работа и выдаст ли их лагерь необходимые объемы гранита для Советской Родины. Леватый знал, что его зеки все сделают в лучшем виде. Ему же самому, мающемуся от безделья, приходилось с нетерпением дожидаться того дня, когда их забытый Богом уголок распашут сотни бульдозеров и начнется грандиозное освоение северной земли, начнут строиться дороги, заводы, а их лагерь, окруженный множеством поселков, превратится в некое подобие столицы.

И действительно, скоро такой день пришел – четыре баржи в очередной майский разлив реки привезли в их глухомань несколько тысяч человек – новых заключенных, ссыльных и вольнонаемных. Прибывшими были заполнены не только палубы, но и трюмы. И, глядя, как мужчины и женщины нескончаемой вереницей сходят на берег, Леватому казалось, что на «Большой земле» остались только больные и старики.

К осени близ лагеря выросло несколько поселков – длинные уродливые бараки появились на заболоченных берегах северной речушки, и оттуда можно было услышать не только крепкий мат мужиков, но и пронзительный младенческий крик.

Здесь, за полярным кругом, жизнь не останавливалась ни на секунду. Наоборот, вдали от цивилизации она приобретала особую интенсивность – обычная влюбленность здесь перерастала в страсть, а вялая неприязнь усиливалась до смертельной вражды.

Беспалый добился от Леватого права свободно выходить из зоны.

Частенько Тимоху видели в женских бараках, где его, словно эстафетную палочку, бабы передавали из одной комнаты в другую. Зеки, зная, куда направляется Беспалый, и не скрывая своей зависти, острили:

– Тимоша, ты уж там за нас всех потрудишься на совесть, мы-то уже который год баб за титьки не держали, того и гляди забудем, чего куда пихать нужно.

Беспалый, памятуя о напутствиях братвы, не возвращался до тех пор, пока его мужские силы не иссякали полностью.

Но, милуясь со случайными подругами в женских бараках, Беспалый не забывал о своих делах. Он был в зоне, а закон был в нем, хотя сам Беспалый и не подчинялся закону. Скоро Тимофей сумел распространить закон, а значит, и свое влияние на обитателей прилегающих к лагерю поселков. Вольнонаемные и ссыльные, проживавшие там, следуя традициям лагерей, спешили заручиться расположением молодого, но известного вора.

От внимания Николая Леватого не ускользнул рост популярности его подопечного. Оставаясь наедине с Беспалым и угощая его дорогим армянским коньяком, Леватый по-отечески хлопал его по плечу и весело шутил:

– А ты резво пошел в разгон, Тимоша. Даже вольнонаемные и те без тебя шагу ступить не могут. Скоро все забудут, кто ты есть на самом деле, и начнут обращаться к тебе, как к хозяину. И уже совсем весело, едва сдерживая смех, Леватый добавил:

– А может, тебе шпалы в петлицы вставить? Пройдет совсем немного времени, и я, глядишь, попаду к тебе в подчинение!

Николай Леватый тогда не мог предположить, что совсем недалеко от истины.

Сплоченные беспризорники сумели получить огромную власть в лагере. В один прекрасный день из рук Леватого они приняли винтовки и стали охранять своих собратьев заключенных с той ретивостью, какая бывала свойственна разве что солдатам-срочникам первого года службы. Это нововведение Леватый объяснил прозаическими причинами: территория лагеря за последний год увеличилась втрое, число заключенных удесятилось, а количество охраны оставалось прежним.

Леватый расконвоировал многих зеков, которым оставалось тянуть небольшой срок, а потом в качестве эксперимента выдал им оружие для несения службы по охране и поддержанию порядка.

Невозможно представить себе более несуразное зрелище, чем заключенные под охраной таких же заключенных, как и они сами.

Тогда Тимофей даже не подозревал, что в среде блатных он закладывает новые уголовные традиции. Бывшие беспризорники, умевшие не только воровать, но и цепко держаться за жизнь, умудрились навязать свои неписанные законы не только огромному количеству раскулаченных в тридцатые годы мужиков, которых насильно оторвали от плуга, но и тертым блатным, познавшим не только лагеря и хозяйскую пайку, но и разгульную шумную волю.

И все– таки конфликт разразился.

Глава 8

Конфликт зародился в недрах одной чуть ли не самой тихой, работающей и терпеливой группы мужиков. Вырванные из обычной жизни перегибами Советской власти, земледельцы Черноземья оказались среди преступников и воров в заполярном лагере. Мужики долго наблюдали, как верховодят блатные, потом покумекали между собой и отказались тесать каменные глыбы под надоевшие им окрики уркаганов. Все до одного старoverы, кудлатые и с огромными бородами, они были готовы отдать жизнь за свои убеждения, подобно тому как некогда горел заживо в сосновом срубе протопоп Аввакум. Если чем и можно было поколебать упрямую мужицкую волю, так только силой логики, перед которой старообрядцы склонялись, как перед авторитетом своих древних старопечатных книг.

Хуже всего было то, что за мужиками стояли некоторые урки, искушенные во всех тонкостях лагерных интриг. Они науськивали старoverов на новую блатную власть, установленную Беспалым с командой бывших беспризорников, и делали это с опытностью псарей, которые натравливают собак на разъяренного медведя. Не хватало всего лишь команды: «Агу!» – чтобы обиженные несправедливой властью мужики бросились рвать глотку Беспалому.

Узнав о назревающем бунте, Беспалый неожиданно вечером сам пришел к старoverам. Его сопровождали всего два человека. Тем самым Беспалый показывал зекам, что ему неведомо чувство страха. Тимофей хозяином прошелся по бараку, толкнул плечом здоровенного парня, посмеявшегося преградить ему дорогу, долго молча оглядывал обитателей барака, а потом, присев на нары, поинтересовался:

– О чем бунтуем, мужики? Или, может быть, корм не в коня?

В бараке опять наступила тишина, но ее нарушил широкоплечий крепкий дядька лет сорока пяти с сильными жилистыми руками: было видно, что для него привычно и ходить за плугом по невспаханному полю, и растаскивать гранитные глыбы.

– Что это ты вдруг о корме заговорил, Беспалый? Разве ты с нами одну пайку хлебаешь? – нахмурившись, сказал мужик. – Ты чаще в соседнем поселке бываешь, чем здесь, на зоне, за колючей проволокой. По твоей раскормленной роже видно, что жратва там жирная, а бабы теплые да сладкие.

В бараке раздались одобрительные смешки.

Беспалый, несмотря на любовь к риску, никогда не поступал безрассудно и каждый свой шаг продумывал до мелочей.

Прежде чем войти в барак к старoverам, он не только изучил «дела» его обитателей, но и расспросил об их привычках. Самым уважаемым среди них был воронежский кулак по кличке Шмель. Шмелем его прозвали за резкий, колючий нрав и за густую шевелюру, которая черным ежиком топорщилась на его голове во все стороны. Поговаривали, что некогда Шмель был едва ли не самым большим богачом в своем уезде, нанимал множество работников и занимался не только хлебопашеством, но и торговлей, и ссудными операциями.

Беспалый догадывался о том, что Шмель намеревается вступить с ним в дискуссию, и не ошибся. Входя в барак, Тимофей понимал, что если он сумеет подчинить себе Шмеля, сумеет убедить этого основательного, умного, изворотливого мужика в своей правоте, то и остальные мужики подчинятся его, Беспалого, воле.

Теперь он чувствовал всей своей кожей, как изучающе смотрят на него из всех углов барака хмурые недовольные зеки. Десятка полтора из них столпились вокруг Шмеля и ехидно скалились, ожидая развязки.

– Если ты желаешь, то я и тебя могу сводить по бабам, – спокойно отозвался Тимофей на реплику Шмеля. – Только за все надо платить, браток. Вот видишь эту руку, – он вытянул

вперед беспалую ладонь, – а вот следы от зубов сторожевых собак, – он приподнял рукав на другой руке. – Я сполна заплатил за часы свободы, братишка.

И Тимофей, слегка повысив голос, жестко добавил:

– И я перегрызу глотку каждому, кто посмеет сказать мне, что это не так!

На несколько секунд установилась тишина. Последние слова прозвучали так сурово, что десятки глаз невольно впились в сомкнутые челюсти Беспалого, словно он должен был немедленно исполнить свое обещание.

Но Шмель лишь ухмыльнулся в ответ на слова Беспалого.

– Если ты думаешь испугать нас, так у тебя ничего не выйдет, – спокойно произнес бывший кулак. Он презирал воров и даже не пытался этого скрывать. Если бы не крепкая община староверов, всегда стоявшая на зоне за его спиной, то блатные давно накиннули бы ему на шею удавку. – Советская власть нас пугала и не запугала, а такому блатному, как ты, это и вовсе будет не под силу, будь ты хоть командиром всей российской шпаны.

Шмель сидел на нарах напротив Беспалого, оперевшись спиной о дощатую стену. Его большие, сильные, потрескавшиеся от работы ладони были заложены за голову. В этом положении Шмель напоминал пахана, решившего отдохнуть после сытного обеда.

Рядом со Шмелем сидели его ближайшие сподвижники – лобастые, упрямые, крепкие парни. Всем своим видом они походили на здоровенных задиристых быков, готовых кинуться на обидчика, как на красную тряпицу.

– Если бы я захотел тебя напугать, – спокойно парировал Беспалый, – то привел бы сюда половину лагеря, а мы, как видишь, пришли втроем, и я хочу выслушать, что вы имеете ко мне, кроме того, что я часто выхожу за территорию лагеря.

– Ты перестал быть уркой, Тимоша, хотя и корчишь из себя урку, – печально произнес Шмель. – Скоро твои ребята позанимают все караульные вышки и будут палить во всякого, кто посмеет приблизиться к ограждению хотя бы на метр.

Я правильно говорю, мужики? – обернулся Шмель к арестантам, которые продолжали хмуро поглядывать на троицу блатных из-под густых бровей. – Ты вот все о воровской чести нам тут пел, – продолжал Шмель, – говорил, что обо всех лагерниках печешься, а только не видим мы твоей заботы, Тимоша. А лично мне так и хочется тебя назвать «гражданин начальник».

– А ты, я вижу, вострый стал на язык, – изображая доброжелательную улыбку, протянул в ответ Беспалый. – Не зря тебя Шмелем прозвали. Да ведь твое жало я могу на кулак намотать и выдернуть с корнем! Потом жалеть придется.

– А силенок хватит? – криво ухмыльнулся Шмель и положил на колени свои огромные кулачищи, способные из кого угодно вышибить дух. И тут Беспалый понял, что Шмель из тех людей, которые не ломаются. Таких мужиков хорошо иметь в друзьях, тогда будешь уверен в том, что твоя спина надежно прикрыта. Тимофей догадывался и о том, что такие, как Шмель, могут быть самыми опасными врагами и даже после примирения ведут себя недоверчиво, долго обнюхивают предлагаемый кусок, но уж если таких приручишь, так это навсегда.

Глядя прямо в глаза своему противнику, Беспалый размышлял, как ему поступить сейчас: заполучить друга или уничтожить врага. Первый путь очень долгий, трудный и безо всякой гарантии успеха, второй – испытанный, легкий и короткий.

Решение созрело почти мгновенно. Лицо Беспалого расплылось в широкой улыбке.

– Что ж, приятно было поговорить с серьезными людьми. Жаль, что мы не можем понять друг друга... Ну что ж, живите, мужики... если получится. – Беспалый поднялся, всем своим видом показывая, что разговор окончен, повернулся и, не говоря больше ни слова, пошел к выходу.

Вновь на пороге барака возник огромный детина, загородив могучими плечами выход.

– А ну прочь с дороги, – рявкнул Беспалый и, когда верзила торопливо отступил в сторону, уверенно распахнул дверь.

Глава 9

В бараке, где располагалась команда Беспалого, в тот вечер стояла необычная тишина. И это не предвещало ничего хорошего. Всем знакомо неожиданное затишье перед бурей, когда всякая тварь спешит спрятаться от надвигающейся стихии, а трава, несмотря на безветрие, стелется по самой земле. Именно такой тишиной встретил Беспалого его барак.

Едва войдя, Беспалый попал в плотное окружение братвы. Он был страшно зол и даже не пытался это скрывать. Злобная улыбка играла на его лице.

Зеки старались не оказаться на его пути и поспешно расступались. Все чувствовали: замешкайся на секунду – схлопочешь по физиономии от взбешенного пахана.

– Вот что, братва, – слегка успокоившись и усевшись на нары, где зеки почтительно освободили ему место, начал Беспалый. – Кулачье объявило нам войну. Пообещало затравить нас, как поганую нечисть. Эти суки говорят, что мы должны землю за них пахать!... А когда это было, чтобы вору на мужика вкалывать?

Если это быдло привыкло ковыряться в навозе, так думают, что и другим это по вкусу? Эти пидоры посмели сказать, что время блатных закончилось. Дескать, пришла их власть, мужиков.

– Совсем охуели, гниды! – заорали взбешенные услышанным урки.

– Это еще не все, братва, – мрачно продолжал Беспалый. – Они говорят, что прежние, кто правил бал на зоне, были честнее и справедливее нас!

Эти ублюдки посмели усомниться в том, что мы блюдем блатную правду! Помните, бродяги, когда это было, чтобы мужик голос на урку повышал? Если сейчас мы не проучим это хамово отродье, то любой стопроцентный пидор на зоне перестанет нас уважать.

Каждый из зеков понимал, что речь идет не о конфликте между двумя заключенными, – начиналась жестокая борьба за власть, в которой побежденному достанется только место у параша. Мужик, еще вчера смотревший на блатного снизу вверх, теперь, в случае победы, мог опрокинуть всеильных урок в касту отверженных и занять освободившееся место. Таковы суровые законы лагерной жизни, и ничто и никто их не в силах изменить. При этом большинство простых зеков как тянуло лямку, так и будет тянуть, петушня останется петушной, запоенный – запоенным.

Уже через пару часов для всей зоны стало очевидно, что возникший конфликт невозможно уладить полюбовно. Это была не просто ссора мужика с блатным, а борьба за верхнюю ступень в лагерной иерархии, за то преимущество, которое дает право повелевать себе подобными, за право делить каждый шматок сала, решать судьбу всех, кто по воле судьбы оказался на территории лагеря, за сладкую возможность посещать женские бараки... А зеки, годами мечтающие о женской ласке, готовы были многое отдать за то, чтобы эти мечты хоть изредка сбывались.

День ото дня конфликт разрастался и скоро стал напоминать пожар, который готов был пожрать вокруг себя все живое.

– Рвать их надо, сук! – заявил в один прекрасный день Беспалый. Его слова звучали как удары молота по наковальне. – Если мы этого не сделаем сейчас, то завтра они сами нас перемочат. В общем так, братва, тянуть не станем, пойдем на них сейчас. Готовь ножи и заточки. Резать будем всех, кто попадется в этом гребаном бараке.

И Беспалый добавил с жестокой усмешкой:

– Очень жаль, что не любят мужики блатных!

Лагерь уже спал, когда три десятка блатных, вооруженных ножами и пиками, хоронясь от дремлющих на вышках солдат, серыми теньями заскользили вдоль ограждения локальной зоны.

Накануне в самом углу ограждения был надрезан кусок металлической сетки. Беспалый нащупал изуродованной рукой надрез, осторожно потянул сетку на себя и первым протиснулся в дыру. Следом за ним туда же полез вор, прозванный зеками Головастиком. Его бушлат зацепился за обрезанную проволоку, и Головастик, стараясь освободиться, дернулся вперед. Металлическая сетка задрезжалась, нарушив тишину ночи. На одной из сторожевых вышек ярко вспыхнул прожектор. Луч света пробежал по рядам колючей проволоки, вырвал из темноты сложенные штабелями бревна, уперся в стену барака, а потом неожиданно погас, отчего ночная тьма показалась зекам еще гуще.

– Быстрее! Быстрее! – торопил Беспалый. – Это вам не вошь на голой заднице искать. Не высовываться, всем прижаться к стене. А ты, дед, куда полез?! – не сдержал Беспалый удивления, увидев, что из дыры выползает тощий пожилой зек, которого все звали «дед Матвей». – Тебя же эти мордовороты кулацкие одним щелбаном пришибить могут.

– Э-э, Тимоша! Это надо еще сильно постараться! – И дед Матвей покачал у Беспалого перед носом обрывком тяжелой цепи.

Дед Матвей никогда не считал своих лет. Его больше занимало количество присужденных ему отсидок, а выпало их на его долгую жизнь немалое число: при Александре Третьем он отбыл свои первые пятнадцать лет каторги за убийство, вторично отсидел при Николае Втором в Таганской тюрьме за мошенничество и освободился незадолго до событий семнадцатого года. Февральскую революцию он встретил в Бутырке, а Октябрьский переворот застал Матвея в питерских Крестах. Выходило, что дед Матвей сидел на рубеже веков при всех правителях и властях и любил порассуждать о том, при чем режиме похлебка была гуще, а начальство мягче. Однако всякий раз он непременно приходил к выводу, что хозяин к арестанту всегда строг, а напутственное слово «кума» – далеко не матушкина колыбельная. Иного крова, кроме тюрьмы, дед Матвей не имел, а потому мучился чрезвычайно, когда приходило время освобождения. Глядя на его понурый вид, можно было предположить, что вместо долгожданной свободы ему шьют новое страшное обвинение.

Дед Матвей являлся осколком ушедшей эпохи, и в то же время он был необычайно жизнелюбив и по-своему остроумен. Рассказы о его выходках кочевали из одной зоны в другую, становясь настоящим лагерным эпосом.

Так, например, отсидев свой очередной срок в конце двадцатых годов, дед Матвей за день до освобождения спрятался в штабелях леса, заготовленного зеками, не желая оставлять приглянувшийся ему лагерь. Когда его наконец отыскивали, то у пятерых здоровенных охранников едва хватило сил, чтобы вытолкать старого уркагана за лагерные ворота. Через два дня дед Матвей опять совершенно непонятными путями проник на территорию лагеря и снова спрятался в самом захламленном углу. Нашли его только через неделю усиленных поисков, холодного, голодного, но счастливого от того, что он еще недельку провел на родной зоне.

А последний свой срок дед Матвей получил уже как политический, и эта история изрядно повеселила зеков всех окрестных северных лагерей. Вор, которого больше всего в жизни интересовало содержимое чужих кошельков, неожиданно сел как член Промпартии... Начиналось все весьма прозаично – дед Матвей умудрился на улице снять часы с руки крупного партийного начальника, который, заметив пропажу, тут же потребовал от органов изловить вора. Каково же было его удивление, когда вором оказался семидесятилетний старец, который и не думал особенно прятаться – именнные серебряные часы он попытался продать за три червонца там же, на городском базаре. Дед Матвей был пойман гепэушниками с поличным. Обиженный партийный работник приложил все усилия, чтобы преклонный возраст Матвея не помешал тому получить «десятку» строгого режима. Стараниями прокурора деда затолкали в глухомань, из которой не всякий молодой через десять лет выходил живым.

Однако старик был соткан из материала повышенной прочности. Несмотря на свои преклонные лета, он не уставал даже во время изнурительных этапов и вообще являл собой живой пример неимоверной стойкости и выносливости человеческого организма.

...Беспалый, взглянув на деда Матвея, невольно улыбнулся:

– Да, наверно, лихим парнем ты был в молодости, дед. Ладно, держись меня, в обиду не дам!

В темноте смутно угадывались очертания барака, в котором размещались раскулаченные. До рассвета оставались еще долгих четыре часа. Но сейчас во мраке барак напоминал дикое, винное исполинское животное, растянувшееся во всю длину. Головой чудовище уткнулось в сторожевую вышку, а его хвост достигал середины зоны.

Беспалый остановился. Неожиданно он ощутил волнение – сейчас ему придется снова убивать. Он был вожаком стаи, а вожак в минуту опасности всегда бросается в схватку первым, тем самым подавая пример всей стае, особенно молодняку. Сегодня ему придется нарушить старый закон: вор не должен убивать, но он просто не может поступить иначе, сегодня у него нет иного выхода.

Беспалый подумал о Шмеле и стиснул зубы. Сейчас у него не осталось никакой ненависти к этому мужику. Просто Шмель со своими крестьянскими принципами стал у него на пути и усомнился в его власти, а значит, должен умереть. Должны умереть и те, кто пошел за Шмелем. Несколько десятков глаз настороженно смотрели на погружившегося в раздумье смотрящего. Беспалый понимал, что выбора у него нет, – если он попытается отступить, заточки воров тут же пронзят его грудь, а потом истекающий кровью труп будет брошен в зловонную яму.

Сомнения в кровавой битве за власть уместны только до определенного момента, после которого малейшее колебание расценивается окружающими как трусость...

В бараке раскулаченных этой ночью, судя по всему, не ждали беды. В нем царила тишина – казалось, все мужики крепко спали. Беспалый даже почувствовал нечто похожее на жалость. Он всегда ценил трудные победы, а резать сонных было противно его натуре, так же как глумление над мертвецами. Тимофей почувствовал облегчение, увидев, что у входа в барак зажглась спичка и затем засветились огоньки сигарок. Беспалый понял, что мужики все же выставили охрану. Повернувшись к блатным, он шепотом жестко скомандовал:

– В общем так, братва. Видите, у дверей барака стоят двое?...

Мужички – то не так просты, как нам казалось. Охрану выставили, гляди-ка!... Ты и ты! – Беспалый ткнул пальцем в стоявших рядом с ним двух зеков. – Снимите их по-тихому. Надеюсь, мне не надо учить вас, как это делается? – Брови Беспалого сурово нахмурились.

– Обижаешь, Тимоша! У нас злости хватит зубами им глотку перегрызть, – мрачно отозвался один из зеков – коренастый крепыш по кличке Кубик.

– Ну тогда идите, и чтоб все было тихо. Оба зека скрылись в кромешной темноте. Через минуту они подкрались к бараку и затаились за углом, прижавшись к стене, а потом одновременно метнулись на спины беспечно покуривавших сторожей. Луна вышла из-за туч лишь на мгновение, как будто только для того, чтобы посмотреть на кровавую сцену.

Бледно – желтый свет упал на заточку и тотчас погас, когда острое вошло в черный зековский бушлат.

– Режь сук! – сквозь зубы процедил Беспалый. Дверь под ударом его ноги слетела с петель и, грохнувшись об пол, разбудила барак. Три десятка зеков во главе с Тимохой с перекошенными от возбуждения лицами, сжимая в руках заточки и ножи, ринулись в тускло освещенное керосиновыми лампами помещение, к нарам в два яруса, на которых лежали не успевшие проснуться мужики.

– Режь их! – завопил Беспалый, не узнавая собственного голоса. Его вопль утонул в грозном хоре, слившись с криками других нападавших. Беспалый пырнул ножом вставшего на его

пути мужика, успев удивиться тому, как легко клинок вошел в тело. Следующей жертвой стал парень лет двадцати, сидевший на нарах с широко раскрытыми от ужаса глазами. Беспалый ткнул паренька ножом в горло и, выдернув клинок, побежал по проходу, не оборачиваясь на предсмертный хрип. Справа, слева, позади него раздавались топот ног, хрип, крики, слышалась брань, удары, стук падающих тел, вопли о помощи. А нападавших переполняло злое ликование, которое мгновенно охватывает бойцов при виде пролитой крови.

Шмель проживал в самом конце барака, где ему как старшему был отведен чистый угол, отгороженный цветастой занавесочкой. Туда и устремился Беспалый, предвкушая скорую расправу.

Буквально за пару минут блатные порезали почти половину барака.

Многие из мужиков встретили смерть, даже не успев толком проснуться и подняться с постели, другие напоролись на воровское перо, едва сбросив с себя одеяло. И те более осторожные, что не смыкали в эту ночь глаз, продолжали еще бестолково метаться по бараку в поисках спасения. Блатные гонялись за ними и безжалостно полосовали ножами их спины, кололи в бока, не успокаиваясь до тех пор, пока мужики не затихали, истекая кровью, на полу под нарами.

Страшная резня завязалась в дальнем конце барака, где жили самые авторитетные сибирские староверы, таежные охотники, для которых тесак был таким же привычным орудием, как лопата для землекопа.

Староверы яростно защищали свою жизнь, вооружившись припасенными ножами и заточками. Они кололи направо и налево со страшным рыком, – такой рык издает медведь, окруженный со всех сторон сворой обозленных собак и охотниками с рогатинами. Словно псы под ударами острых когтей рассвирепевшего зверя, блатные один за другим падали под ловкими ударами староверов. Таежники понимали толк в драках – сходиться стенка на стенку для них было делом таким же привычным, как молодому забияке бегать в соседний поселок на развеселую гулянку. Трижды блатные накатывались на староверов-таежников и всякий раз отступали, оставляя на полу по несколько человек, корчившихся в предсмертной агонии.

В самой гуще дерущихся Беспалый наконец-то заметил Шмеля: на нем была разодрана рубаша и через всю грудь справа налево протянулась кровавая борозда. Окровавленного, с перекошенным от ярости лицом, Шмеля можно было принять за чудище, вырвавшееся из преисподней.

– Назад! Всех порежем! – кричал Шмель, стараясь в диком геме сражения переорать наседавших блатных.

Было ясно, что мужики готовы дорого продать свою жизнь.

– Ну что, гады, смерти захотели? Подходи! Подходи! Мигом кишки выпустим!

Неожиданно завывла сирена. Ее вой больно ударил по барабанным перепонкам, перекрыл голоса дерущихся, заглушил истошный лай сторожевых собак, давно почуявших неладное, и напомнил, что кроме «ссученных» и «блатных» существуют холодное Заполярье, хозяин зоны, охрана с автоматами и суровые лагерные порядки.

В барак ворвались десятка три красноармейцев с собаками. Псы яростно рычали, хрипели, натягивая поводки, бросались на обезумевших от страшного ночного побоища окровавленных, обессиленных людей. Было очевидно, что псы не успокоятся до тех пор, пока не порвут кого-нибудь из зеков.

– Всем стоять! – орал молоденький офицер Синцов, выпуская в потолок барака длинную автоматную очередь. Этот парень за два года службы в заполярных лагерях повидал мертвецов побольше, чем иной кладбищенский сторож. Ему много раз приходилось участвовать в поисках беглых зеков, а при задержании порой убивать тех, кто не желал сдаваться и был опасен. Часто старший лейтенант Синцов собственными руками закапывал тела тех, кто, убегая, находил свою смерть в тайге или на болотах. Таких беглецов-неудачников на памяти Синцова было

немало. Особенно впечатляли весенние погребения: зимой трупы умерших от болезней и непосильного труда, погибших в побегах и драках просто складывали в мерзлые штабеля, словно поленицы дров, а весной, с наступлением тепла, хоронили в больших коллективных могилах. Но то, что старший лейтенант увидел теперь, потрясло даже его: на полу, в море крови, лежали десятки искромсанных ножами трупов, стонали раненые, хрипели и бились в предсмертных судорогах те, кому помочь было уже невозможно. А в дальнем углу барака, невзирая на появление лагерной охраны, заключенные продолжали яростно резать друг друга.

– Бросить ножи! Или спускаю собак! Неожиданно для самого Синцова его команда была услышана. Зеки замерли – как в кино, когда механик останавливает ленту.

– Бросай ножи, воры! – распорядился Беспалый. – У этого парня мозгов не больше, чем у крысы, еще начнет палить. А со Шмелем мы потом сочтемся.

И он первым бросил тесак на дощатый пол. Со звоном попадали на пол ножи других бойцов. Последним расстался с оружием Шмель.

– Собрать ножи, – скомандовал солдатам Синцов. По его суровому взгляду было понятно, что он предпочел бы не разводить зеков по баракам, а спустить на них собак. Для старшего лейтенанта среди участников кровавого побоища не было ни правых, ни виноватых – для него все до единого заключенные представлялись массой безликих существ в черных бушлатах, готовых убивать, резать, насиловать. – Если кто из вас посмеет дернуться, первым спускаю Абрека, – показал Синцов взглядом на могучего лохматого пса. Среди заключенных об этой кавказской овчарке ходили печальные рассказы – за последние полгода Абрек порвал насмерть трех побегушников. Четвертого зека пес загрыз прямо на территории лагеря, не простив ему того, что зек когда-то попытался защищаться и вырвался из его клыков. Своими повадками Абрек больше напоминал волка, чем овчарку, – никто никогда не слышал, чтобы он лаял, а его глухое и злобное рычание заставляло трепетать самых хладнокровных зеков.

– Блатные, за мной! – скомандовал угрожающим тоном Синцов. – А ты со своими людьми, – обратился офицер к Шмелю, – вытащи раненых и убитых из барака... Раненых отправить в санчасть. Погибших будем хоронить завтра.

Глава 10

Леватый был мрачнее тучи.

За три долгих года службы ему наскучила северная экзотика. Он устал от полярных ночей, каждая из которых длится по полгода; ему осточертело душное лето с незаходящим солнцем, когда немеркнущий свет настолько ярок, что, казалось, проникает даже в мозг. Это было тяжким испытанием. Леватый соскучился по городской толчее и предпочел бы шумную тесноту самой захудалой городской пивнушки своему необъятному северному хозяйству и огромной власти над людьми.

Недавно, совсем неожиданно, у него появился шанс не только покинуть опостылевшие места, но даже перевестись служить в Москву. Старые знакомые сообщили ему по секрету, что в Заполярье планируется строительство множества новых зон и он со своим опытом может пригодиться в центральном аппарате. Затем такую же перспективу ему нарисовал в секретной депеше Герман Юрьевич Веселовский. Однако Веселовский поставил два условия: первое заключалось в том, чтобы Леватый установил железный порядок во вверенной ему зоне, а второе – чтобы в ближайшие полгода он сумел избежать любых ЧП. Теперь Леватый понимал, что ему не удалось выполнить ни того, ни другого и судьба обещает ему одно: загнуться на Севере лет через пять от тоски, безделья и очередного продолжительного запоя.

Сначала Леватый подумал было о том, чтобы скрыть от Москвы полсотни трупов: если придет запрос из Центра, всех погибших можно списать на мор, который каждый год с большей или меньшей силой свирепствовал в лагерях Заполярья. Но, поразмыслив, Леватый решил отказаться от этой затеи, поняв, что за такую убыль рабочей силы он может быть не только изгнан со службы, но и помещен в барак на собственной зоне в качестве узника.

Поганое настроение Леватого усугублялось тяжелейшим похмельем.

Выпитый накануне самогон стоял у него поперек горла, вызывая тошноту. Начальник зоны весь день страдал от головной боли и изрыгал на подчиненных целые облака перегара.

Перво– наперво Леватый вызвал к себе Беспалого, в котором теперь видел причины всех бед, в том числе и своих собственных.

– Ты, гражданин начальник, волком на меня не смотри! – поймав на себе злобный взгляд Леватого, процедил Беспалый. – Ты ведь сам мне руки развязал. Ты ведь знаешь, сворачивать на полпути я не умею. А потом, если бы мы не перерезали этих сук вчерашней ночью, то уже на следующую ночь они бы порезали нас. Это как пить дать. Или ты не знаешь наших порядков, гражданин начальник? Мы волки, и если в стае кто-то захромает, то остальные сородичи обязаны разорвать его на куски. Только так можно сохранить стаю.

– За все, что здесь происходит, отвечаю я! И как, по-твоему, я все это объясню? Откуда взялись эти трупы? Ты учти, если меня отсюда уберут, тогда и тебе каюк! Я тоже никогда ничего не прощаю и не забываю, особенно если моя служба пойдет наперекосяк из-за глупости одного паршивого зека.

– – Полегче на поворотах, начальник. Я сделал все, что от меня требовалось! На зоне я стал смотрящим и навел такой порядок, какого ты обеспечить не сумел. А как ты знаешь, любой порядок требует жертв. Прирезанные суки будут хорошим примером для тех, кто надумает бузить.

В кабинете начальника лагеря на несколько минут воцарилась мрачная тишина. На сей раз Леватый не предложил своему гостю даже воды, и это было дурным знаком.

– И что посоветуешь делать мне, когда твой друг Веселовский пригонит сюда инспекцию? – поинтересовался Леватый.

Беспалый криво усмехнулся. Он по-прежнему находился под впечатлением событий прошедшей ночи и отчетливо понимал, что начальник зоны ему теперь не опасен: самое большее, на что он способен, – это капризно кривить губы и изображать из себя обманутого.

– Что я посоветую тебе, начальник? – произнес холодно Беспалый. – Башку в петлю сунуть. Или заткнуться. Вот так-то!

Беспалый, не прощаясь, поднялся со стула, широко распахнул дверь и, насвистывая, как ни в чем не бывало вышел в коридор.

Отныне он стал настоящим хозяином колонии, и разве что солдаты-первогодки, еще не успевшие разобраться в лагерной иерархии, не отдавали ему честь. Пока...

Из кармана Варяга вновь подал голос мобильный телефон. Беспалый осекся на полуслове.

– Извините, Тимофей Егорыч, – виновато пожал плечами Варяг и произнес в трубку:

– Слушаю.

– Владислав Геннадьевич, это Чижевский.

– Ну что, сделали какие-нибудь выводы? – поинтересовался Варяг.

– Так точно. Считаю, что расследование имеет смысл вести только по двум линиям. Во-первых, через некоторое время после того, как мы вышли из машины и вошли в ресторан, рядом с нашей машиной припарковался джип «мицубиси» черного цвета, люди из которого тоже прошли в ресторан, но на самом мероприятии не присутствовали. Видимо, это лица, сопровождавшие кого-то из участников мероприятия, – кого конкретно, мы сейчас выясняем. В принципе из этого джипа можно было поставить под нашу машину магнитную мину, даже не открывая дверей.

Кстати, судя по видеозаписи, их и не открывали. Вокруг на стоянке хватало свободных мест, но джип почему-то стал именно рядом с нами.

– Это может быть совпадением, – сказал Варяг. – И потом, как из пустого джипа...

– Я не утверждаю, что джип был пустой, я только сказал, что из него вышли люди. В нем вполне мог затаиться человек, который затем через отверстие, прорезанное в днище, мог специальным телескопическим манипулятором подвести бомбу под нашу машину и там ее прикрепить. Такие вещи практикуются довольно часто, мне известно много примеров, правда, пока только за бугром.

– А где Саша был? – спросил Варяг.

– В основном сидел за рулем. Магнитная мина прикрепляется практически бесшумно, так что он, скорее всего, ничего не слышал. К тому же в машине постоянно играет музыка. Пару раз он выходил размяться рядом с машиной, но не заметил ничего подозрительного. Один раз ходил в туалет ресторана.

– М-м-м... Как-то сложно это все, – засомневался Варяг. – А если бы рядом с нами уже кто-нибудь стоял?

– Ну поставили бы бомбу в другой раз, – невозмутимо возразил Чижевский. – Попытка не пытка. Получилось на стоянке – ну и хорошо.

– Чтобы не гадать, надо найти тот джип и осмотреть его, а параллельно установить, кому он принадлежит, – сказал Варяг.

– Уже работаем, – отозвался Чижевский. – Номера на пленке зафиксированы, лица хозяев – тоже, так что, думаю, скоро все выясним.

– Хорошо, с этим разобрались. А какова вторая линия? – спросил Варяг.

– Извините, Владислав Геннадьевич, но вторая линия – это покойный Саша, – грустно сказал Чижевский. – И, на мой взгляд, она более правдоподобна.

Варяг нахмурился – когда подозрение в предательстве падало на тех, кому он доверял, его охватывали тоска и отвращение к жизни.

– Но Саша погиб, – напомнил Варяг сердито.

– Ну и что? – хмыкнул Чижевский. – Не вижу никакого противоречия.

Бомбу ему могли всучить под видом любой безобидной вещи – какой-нибудь запчасти к машине, например. Я, правда, приказал ему все такие предметы показывать мне, но он мог не успеть этого сделать или решить, что это не обязательно... И конечно, ему могли навязать бомбу принудительно – деньги, запугивание, шантаж...

– Не верю, – мрачно произнес Варяг. – Саша был порядочный парень. Ты же, Николай Валерьянович, сам его проверял.

– И проверял, и контролировал, – согласился Чижевский. – Но, видно, за всем не уследишь.

– Ладно, приговоры выносить подождем, – сказал Варяг. – Надо восстановить последние дни его жизни – полностью, шаг за шагом. И выяснить, что делали его близкие в эти дни. Возможно, на него каким-то образом надавили как раз через близких. Только вот что, Николай Валерьяныч: работать прошу с максимальной деликатностью. Все-таки человек погиб, мы его не уберегли, с нас и спрос. И насчет джипа тоже поаккуратнее все выясняйте. Пусть лучше хозяева вообще не знают, что они у вас в разработке. А то ведь за подозрения в наших кругах принято отвечать, сам знаешь.

– Хорошо, Владислав Геннадьевич, все понял, – ответил Чижевский.

– Желаю успеха, – сказал Варяг и прервал связь. Беспалый закашлялся и завопил на стуле, стараясь усесться поудобнее.

– Вот так-то я, Тимоха Беспалый, еще совсем пацан, взлетел выше всех на зоне, – с усмешкой произнес старик. – А теперь слушай, что дальше было...

Глава 11

Худшее случилось через месяц, когда в Североуральск приехал товарищ Веселовский в сопровождении офицеров и двух десятков солдат охраны. Он уверенно расхаживал по территории зоны, и если бы не знать, что это один из самых влиятельных людей в советской системе исправительно-трудовых лагерей, то можно было бы подумать, что это новоявленный пахан. Веселовский врос в свою тельняшку, и она подходила ему так же, как иному блатарю золотая фикса.

С Беспалым Веселовский пожелал встретиться наедине. Небольшая каморка, обитая крепкими сосновыми досками, которую на зоне называли «красным уголком», была прокурена насквозь – табачный дым, казалось, въелся не только в стены и потолок, но даже в стекла, за которыми был виден унылый лагерный пейзаж.

Веселовский с силой вмял в жестяную банку недокуренную папиросу, и та, пыхнув дымом в последний раз, погасла под его крепкими пальцами.

– Даже и не знаю, чем тебе помочь, – произнес Веселовский. – Ты тут такое натворил, что расхлебывать придется не только начальнику лагеря, но и мне самому. Что тебе было сказано? Навести порядок! Но не такой же ценой! Честно говоря, я даже и не знаю, что теперь делать... Хотя, если говорить откровенно, я сам не очень жалую всю эту кулацкую публику и ставил бы ее к стенке пачками.

Но для этого нужны соответствующие инструкции.

– Я вор, а не советский начальник и не привык жить по инструкциям, – огрызнулся Беспалый.

– Только за одну такую грубость любого другого я сгноил бы заживо! – повысил голос Веселовский.

– Так что же вы медлите? – усмехнулся Беспалый. – Кликните своих холоуев – они мне мигом голову отвернут.

– Даже не могу понять, чем же ты мне нравишься, парень... – вдруг усмехнулся Веселовский. – Может быть, дерзостью? Я ведь сам был таким.

Беспалый чувствовал себя неуютно в этой каморке, тем более что в ней не было отопления. В прошлом году начальник лагеря в одну из лютых зимних ночей посадил в «красный уголок» пятерых проштрафившихся блатных. Только один из них сумел выдержать пятидесятиградусный мороз и выжить, за что впоследствии получил погоняло Бессмертный.

– Что же мне с тобой делать? – почти участливо поинтересовался Веселовский. – Если ты исчезнешь, про тебя никто и не спросит. Тебя же нет! Ты же давно числишься в покойниках. Ты не забыл об этом?

Беспалый с трудом проглотил ком, неожиданно застрявший в глотке. Он прекрасно знал таких людей, как Веселовский: отправить человека на тот свет для них такое же обыкновенное дело, как загасить окурок.

– Нет, не забыл.

– Это хорошо, – хмыкнул Веселовский и бодро продолжил:

– А знаешь, у меня к тебе есть предложение.

– Какое?

– Такое, что ты себя сможешь спасти еще раз... Мне рассказывали, что ты неплохо работаешь ножом. Где ты этому научился?

– Я ведь беспризорник, с детства не расстаюсь с пером.

– Ну так вот, свою вину ты можешь искупить тем, что приведешь в исполнение некоторое количество смертных приговоров. – Веселовский растопырил пальцы обеих рук. – Тогда я

оставлю наши условия в силе, то есть ты получишь новый паспорт на фамилию Беспалый и можешь идти на все четыре стороны. Ты согласен?

– Сдается мне, гражданин начальник, у меня нет другого выбора? – буркнул Тимофей.

– Это точно, – заулыбался Веселовский. – Вот мы и договорились. В этом лагере ты больше не останешься и сейчас поедешь со мной.

– Куда?

– Узнаешь, не торопись. Теперь перед тобой открывается блестящая карьера! – Веселовский снова улыбнулся.

За время недолгого общения с товарищем Веселовским Тимофей Беспалый успел убедиться, что этот весьма серьезный человек по пустякам не скалится.

Каждая улыбка Веселовского лично ему. Беспалому, обходилась чрезвычайно дорого: сначала он получил месяц одиночки, потом Веселовский запихнул его на край света. Что же будет на сей раз?

– Не всякий может похвастаться тем, что дважды заглядывал смерти в глаза, да жив остался! Ха-ха-ха! – смеялся высокий начальник.

Беспалый невольно поежился от такой шутки: если кто-то и помогал ему, когда он стоял на краю пропасти, то это явно был не Господь Бог.

Беспалый замолчал и, тяжело откинувшись на спинку стула, прикрыл глаза и как будто задремал. Варяг сидел не шевелясь, ждал, когда Тимофей Егорович передохнет. Было ясно, что рассказ не только утомил, но и сильно растревожил отставного полковника МВД. Да и сам Владислав не мог не проникнуться к этому дряхлому старику сочувствием, смешанным с отвращением. Но странное дело: ненависти к бывшему «куму» «сучьей зоны» он не ощущал. Не только потому, что Беспалый поведал ему о делах давно минувших и забытых – теперь-то кому до них какое дело? – но и оттого, что, как понял Игнатов, сам старик все эти долгие годы душевно страдал от пережитого.

Тимофей Егорович вздрогнул, закричал и открыл веки.

– Ну а потом что? – осторожно поинтересовался Варяг, заметив, что рассказчик очнулся.

– А потом... Закончил школу НКВД в Питере. Да и получил назначение обратно в Североуральск. Стал командиром отряда – у Леватого в подчинении. Всю войну на зоне вертухаем и просидел. Не знаю уж, что лучше – если бы на фронт погнали, может, и подстрелили где-нибудь под Вязьмой, а так, видишь, жив еще. – Беспалый тяжело помотал головой, словно отгонял нахлынувшие воспоминания. – В военные годы очень тяжело было. Лагерь опустел – всех почти зеков на фронт забрали в штрафбаты. Содержание урезали, пайку урезали, обмундирования не выдавали. Веришь ли, в лаптях две зимы ходил – сапоги все конфисковали. А как война кончилась, так у нас лафа началась. Сотнями осужденных каждый день зона прирас- тала. СМЕРШ работал на износ – окруженцы, дезертиры, попавшие в плен, находившиеся на временно оккупированной территории, увезенные на работы в Германию, – кого у нас только не было! Ну и, ясное дело, урки повалили пачками.

Тогда всех гребли долгим неводом. Берия как решил взяться за ГУЛАГ, так сразу все переменялось. Содержание увеличили, матчасть стали заменять, новое оружие в зону погнали – то, что раньше клепали для фронта, для победы, теперь по лагерям стали раздавать. Мы в числе первых были, кому ППШ перепали. Хорошие машинки, надежные. Мы как ППШ получили, так число бунтов да побегов резко пошло на убыль. Приказ был: по бегушникам стрелять на поражение. А из автомата шмалять – это тебе не из винтаря пукать. Ежели кто на зоне бузить вздумал, сразу по ногам шар-рах длинной очередью! В следующий раз не забузит, падла! – Старик хрипло хохотнул. – А потом товарища Леватого понизили по службе, и я его заменил. Дали мне майора и чрезвычайные полномочия. Словом, я духом воспрял, думал: ну

вот, сейчас возьмутся за воров крепко, даром что Лаврентий Палыч решил известить законных воров как класс.

– А ты никак и с Лаврентием Палычем был знаком? – невольно улыбнулся Владислав. – Не удивлюсь, если ты мне скажешь, что он тебя лично орденом награждал.

Беспалый хмыкнул:

– Ну, орденом не орденом, а раз дело было в сорок шестом...

На тринадцать ноль-ноль Лаврентий Павлович Берия назначил совещание, на котором должны были присутствовать начальники тюрем, пересылок, исправительно-трудовых лагерей и колоний строгого режима со всего Советского Союза. Это необычное совещание нарком решил провести в здании Лефортовской тюрьмы, чтобы толстые тюремные стены напоминали участникам о главной цели, ради которой они собрались: о необходимости совершенствования системы исправительно-трудовых учреждений страны. А кроме того, здание тюрьмы для гулаговского начальства куда более привычное место, чем Колонный зал Дома союзов.

Лаврентий Павлович поправил галстук, придирчиво осмотрел себя в зеркале, потом смахнул с плеча едва заметные пылинки и уверенно шагнул к выходу, где его ожидала специальная машина. Он не оборачивался зная, что за ним на расстоянии нескольких шагов следуют три рослых молодца, способных смешать с землей любого, кто покажется подозрительным, представляющим угрозу для всемогущего наркома. Охранники сопровождали Лаврентия Павловича повсюду, и он успел привыкнуть к ним, как к собственной тени. Если бы они однажды исчезли, ему стало бы не по себе. Привычка к охране до того укоренилась, что в сопровождении телохранителей Берия ездил не только по делам, например на заседания правительства, но даже к любовницам: рослые широкоплечие телохранители становились едва ли не свидетелями самых интимных моментов и терпеливо дожидались под дверями спальни, пока Лаврентий Павлович удовлетворит свою неумную похоть.

Возглавив Наркомат внутренних дел, Берия решил реформировать правоохранительную систему. Он хотел создать такую карательную машину, которая смогла бы ликвидировать преступность в стране в течение двух-трех лет. Первый удар он решил нанести по уркаганам, которых стали теперь называть ворами в законе: они представляли собой реальную и весьма авторитетную силу в местах заключения и заставляли считаться со своей волей даже начальников колоний.

Иосиф Виссарионович предлагал решить эту проблему предельно просто: всех воров в законе расстрелять! Однако Берия сумел убедить Хозяина, что эта акция нерациональна: во-первых, воры в законе легко растворяются среди рядовых заключенных, во-вторых, на место уничтоженных придут другие, а в-третьих, можно придумать более хитрый способ подрыва уголовного мира. Именно по последнему вопросу Берия и хотел посоветоваться с начальниками колоний.

Берия вошел в зал уверенной походкой, терпеливо дождался, когда утихнут аплодисменты, а потом, небрежно махнув рукой, разрешил всем сесть.

Собравшиеся, преисполненные счастьем от лицемерия одного из руководителей партии, громыхая стульями, уселись и приготовились слушать.

– Товарищи, вы знаете, зачем я организовал эту встречу, – негромко начал Берия. Его грузинский акцент был мягким и совсем не портил речь. – Наши лагеря мне напоминают пороховую бочку, которая готова вот-вот взорваться и разнести половину страны.

Лаврентий Павлович сделал паузу и цепким, пристальным взглядом окинул присутствующих. Он знал о магнетической силе своего взгляда: его немигающие глаза способны были привести в трепет даже самого храброго человека. Не раз он убеждался, что под этим взглядом даже матерые урки превращались в послушных агнцев. Гулаговские генералы в его присутствии ощущали себя беззащитными детьми.

– Мне бы хотелось обратить ваше внимание, товарищи, на группу заключенных, которые именуют себя «ворами в законе». Считается, что это самая авторитетная часть осужденных и самая организованная. Согласно их уголовным правилам, они не должны работать, они лучше отрубят себе руки, чем подойдут к пилораме. Всю работу за них выполняют другие заключенные. Мне докладывают о том, что именно воры в законе организуют в лагерях мятежи.

Берия заглянул в бумагу, лежавшую перед ним, и продолжал:

– Только за последние три месяца в лагерях под Магаданом было зафиксировано семнадцать восстаний заключенных. В Воркуте, области, которая всегда считалась благополучной, было отмечено восемь выступлений осужденных! Я уже не говорю про Урал или Сибирь, где традиционно отбывают наказание самые неблагонадежные элементы. Сейчас, когда страна восстанавливает разрушенное фашистскими захватчиками народное хозяйство, нам не хватает сил, чтобы удержать заключенных в повиновении. Что еще настораживает: бунты стали происходить в нескольких местах одновременно. Явно у уголовников имеется какой-то координирующий центр, и они начинают действовать согласованно. По нашим оперативным данным, именно воры в законе подбивают заключенных на бунты, ведут подрывную работу, делают все, чтобы сорвать наши планы по восстановлению народного хозяйства и по перевоспитанию людей, провинившихся перед нашей Родиной. Секретным предписанием я приказал ужесточить меры, направленные против деятельности воров в законе. Однако это пока помогает недостаточно, воровское отребье все более наглее!

Начальники лагерей во все глаза смотрели на Лаврентия Павловича.

Большинство из них впервые видели члена Политбюро так близко и старались запечатлеть в своей памяти все его уверенные, неторопливые жесты, каждое произнесенное им слово, чтобы потом рассказать об этом счастливом дне сослуживцам и женам. Невысокого роста, круглолицый, с простенькими очками-пенсне на широкой переносице, нарком напоминал потомственного интеллигента, случайно оказавшегося в столь малопривлекательном месте, как тюрьма. И совсем не верилось в то, что этот плотный лысеющий человек по своему могуществу совсем немного уступает самому генералиссимусу Сталину.

На вид казалось, что Берии больше подошла бы роль заведующего кафедрой в каком-нибудь крупном институте, нежели роль министра, да еще возглавляющего силы правопорядка в стране. Нарком продолжал:

– Я вас собрал для того, чтобы мы сообща решит ли, как нам действовать дальше. Я очень надеюсь на то, что мы сумеем выработать такой механизм, который позволит нам обезглавить преступный мир. Если мы не сделаем этого сейчас, то скоро уголовники вылезут из всех дыр и преступность захлестнет страну только-только освободившуюся от немецко-фашистских захватчиков. Кто хочет высказаться, товарищи? У кого-то есть какие-то соображения, предложения?

Тимофей Беспалый сидел в третьем ряду и мог хорошо рассмотреть Лаврентия Павловича. На его взгляд, маршал совсем не напоминал всесоюзного «кума», а, как то ни странно, сильно смахивал на одного знакомого зека, пидора по кличке Сидорка, с которым Тима когда-то чалился на зоне: такая же отечная физиономия, такие же женственные манеры, попискивающие нотки в голосе, мягкие движения рук, и если отвлечься от тех слов, которые он произносил, то могло бы показаться, что он готов сейчас же отдаться первому попавшемуся мужику за полпачки папирос.

Однако Тимофей Егорович прекрасно понимал, насколько обманчиво его впечатление и насколько опасен и коварен этот высокопоставленный человек.

Первым на трибуну вышел толстый энкавэдэшник генерал с занятой фамилией Скоропелка, которая больше подошла бы как кликуха какой-нибудь «шестерке» на сучьей зоне. Генерал хмуро посмотрел в зал и правильными рублеными фразами начал чеканить, видимо, заранее заученную речь:

– Товарищи! Всех этих воров в законе нужно расстреливать без суда и следствия. И желательно прилюдно, чтобы акцию могли наблюдать все заключенные, отбывающие наказание. Вот тогда порядка на зонах у нас будет больше! Я эту публику знаю: чем с ними строже, тем больше они тебя уважают, тем больше думают о нашей социалистической законности.

Скороспелка повернулся в сторону председательствующего товарища Берии, который, скрестив руки на выпуклом животе, бесстрастно слушал оратора.

– Если вы разрешите, Лаврентий Павлович, то мы завтра же и приступим к ликвидации всей этой погани.

И под жиденькие аплодисменты генерал Скороспелка удалился с трибуны.

Лаврентий Павлович проводил выступившего снисходительным взглядом: он любил этих плохо образованных, но весьма исполнительных вояк. Однако тонкости мышления этим людям не хватало. Конечно, уголовнику нужно демонстрировать силу, но одной силой всех проблем не решишь, а значит, без мозгов тут не обойтись.

Ладно, пусть несут генералы свою чепуху. Лаврентий Павлович, играя в демократизм, частенько разрешал подчиненным спорить с собой.

– Товарищ Скороспелка, вы забываете о том, что смертная казнь у нас отменена и нам следует действовать в рамках социалистической законности, – мягко пожурил оратора Берия.

Следующим на трибуну поднялся тощий, сутуловатый, большеголовый полковник, похожий на гриб на тонкой ножке. От волнения полковник долго сморкался у микрофона в белый платок. По каким-то неуловимым признакам можно было понять, что место его службы находится в холодных краях. Насморкавшись вволю, полковник запихнул платок глубоко в карман своих форменных брюк и заговорил неожиданно бодро и уверенно:

– Мы понимаем, что расстреливать не позволено. Да это и не нужно, ведь в нашем распоряжении имеется немало других действенных мер, чтобы привести всех этих уроков в чувство.

– Например? – подал голос Лаврентий Павлович, как-то сразу заинтересовавшись выступлением. Про себя Берия уже прозвал этого полкана Грибом.

Гриб в ответ на вопрос маршала с готовностью отозвался:

– Пожалуйста, все очень просто. Можно держать блатных в карцере, вдвое и втрое превышая установленную норму, – в таких условиях не каждый выживет, многие издохнут быстрее. Самых отъявленных смутьянов можно подсаживать к туберкулезникам, тогда даже здоровый молодой заключенный уже через полгода станет безнадежно больным. Я бы даже создал туберкулезную зону, куда следовало бы направлять особо неблагонадежных. При необходимости можно предложить еще сотни способов борьбы с ворьем. Так что, товарищи, на мой взгляд, расстрел – не единственный возможный способ уничтожения воровской касты.

Берия понимающе закивал. Про себя он уже отметил это предложение как весьма перспективное. Оно, конечно, было так же смертоносно, как кашель туберкулезника, но Лаврентий Павлович всерьез задумался о том, как воплотить его на практике.

Потом выступил крепкий майор с изуродованной левой рукой. Он уверенно взошел на трибуну, ослепил присутствующих ровным рядом металлических зубов и заговорил:

– Все, что здесь предлагал предыдущий товарищ, возможно, и не лишено смысла, но не нужно забывать о том, что воры в законе – это не стадо баранов, которых баран-вожак может повести под топор мясника. Они сильны своей организацией и самодисциплиной. Мы не раз уже убеждались в том, что им достаточно только бросить клич, как восстание поднимут сразу в десятках зон.

Они фанатики, когда речь идет о воровских идеях, они, если потребуется, могут приказывать туберкулезникам перецеловать всех охранников, а тогда, извините, на погост придется отнести добрую половину личного состава. Мне думается, что поступать с ворами в законе следует совсем по-иному.

– И как же, как же, товарищ майор? – Берия вперил взгляд в самоуверенного нахала.

– Очень просто, Лаврентий Павлович! Нужно сделать так, чтобы они сами уничтожили друг друга. Насколько мне известно, на сегодняшний день на зонах насчитывается около пяти тысяч воров в законе.

– Я вижу, что вы хорошо осведомлены, товарищ майор, – мягко прервал выступление Берия, но потом улыбнулся, едва раздвинув губы:

– Это секретные оперативные данные. Продолжайте.

– Воры в законе сегодня рассредоточены по многим зонам Сибири, Дальнего Востока, Урала, Заполярья. Я же предлагаю сделать вот что. – Выступающий на несколько секунд замолчал, собираясь с мыслями, а потом продолжал так же уверенно:

– Нужно создать для воров в законе специализированный лагерь, куда следует перевести их всех и сразу. Я очень хорошо знаю эту публику, каждый из них мнит себя едва ли не пупом земли.

Представьте себе, что будет, если мы этих гордецов поместим вместе в тесных переполненных бараках? По воровским законам наказать пахана имеет право только пахан. Если пахана оскорбит кто-то другой, обидчик подлежит немедленному уничтожению. Нам не нужно будет расстреливать воров – они сами перережут друг друга. И тогда в течение месяца мы сможем избавиться от всех воров в законе, а оставшиеся без своих вожаков заключенные сделаются более сговорчивыми. Если выявятся какие-то новые лидеры, то мы сумеем перевести их в тот же лагерь, и история повторится вновь. Вот такое у меня предложение.

Выступающий почтительно кивнул наркомку, твердой походкой сошел с трибуны и возвратился на свое место.

– Кто этот майор? – Берия взглядом указал на выступавшего.

Сосед министра – генерал Воронов, который выполнял обязанности референта, отреагировал мгновенно:

– Товарищ Берия, это начальник колонии номер семьсот двадцать три майор Беспалый.

– Где находится колония?

– Под Североуральском, Лаврентий Павлович.

Генерал Воронов при Берии служил уже четвертый год. За это время он успел основательно изучить повадки своего шефа и знал, что тот интересуется не только красивыми женскими ножками, но и современными техническими разработками, последними достижениями науки. Тем не менее особое пристрастие Берия питал к ГУЛАГу, – это ведомство он любил называть своим «детищем». Берия помнил имена и фамилии многих начальников колоний, не забывал даже разжалованных и осужденных, а к некоторым питал нечто вроде привязанности и призывал их для душевного разговора в Москву каждые полгода. Воронов знал и о том, что трое его предшественников были уволены за «некомпетентность»: вся их провинность заключалась в том, что они не всегда точно и быстро могли ответить на неожиданные вопросы наркома. Воронов догадывался, что свой земной путь они, скорее всего, закончили в краю вечной мерзлоты. Генерал был из тех, кто умеет извлекать уроки из ошибок других, а потому всегда тщательно готовился ко всякого рода заседаниям и совещаниям и знал о каждом выступавшем куда больше, чем входило в его обязанности. Но к Беспалому у Воронова интерес был особый, так как личность эта была неординарная.

– Что он за человек? Мне показалось, что майор больше похож на уголовника, чем на кадрового офицера. Или, может быть, это издержки профессии, когда начальство очень напоминает своих подопечных? – усмехнулся Берия.

– Вы, как всегда, очень проницательны, Лаврентий Павлович. Этот человек действительно бывший уголовник и даже более того – он бывший вор в законе! Из беспризорников, отсидел несколько лет, потом Веселовский взял его под свое крыло и стал с ним вплотную работать.

– Веселовский? Это тот, которого расстреляли в тридцать девятом? А этот Беспалый очень неглуп, – раздумчиво заметил Берия. – Чувствуется, он знает предмет. Значит, вы говорите, что он был вором в законе?

– Так точно, Лаврентий Павлович!

– Пожалуй, он засиделся в майорах. Я хочу, чтобы вы подготовили приказ о присвоении внеочередного звания майору Беспалому. И секретное предписание о предоставлении полковнику Беспалому чрезвычайных полномочий.

Пусть он в своем Североуральске создаст колонию нового типа, о которой он тут нам так красноречиво говорил. А если не оправдает доверия – вернется туда, откуда вышел...

Глава 12

В 1936 году Тимофей Беспалый прибыл в колонию в Североуральске в качестве начальника лагеря. Товарищ Веселовский, благословляя своего протеже на новое назначение, говорил:

– Ты должен всем доказать, что способен на многое. Я верю в тебя!

Убежден, пройдет год-другой, и тебя заметят. Есть в твоём характере нечто такое, что отличает тебя от всех остальных. Не знаю, откуда это в тебе...

– Скорее всего беспризорное детство сказывается, – улыбнулся Беспалый.

– Возможно, возможно, – согласился Веселовский. – Уверен: быть начальником лагеря – не самое худшее занятие. Тебе понравится. Потом будешь меня благодарить. Дело нужное, кому-то ведь надо заниматься и этим. И знаешь, я тебе хочу сказать: мне кажется, что ни у кого это не получится лучше, чем у такого, как ты, кто на своей шкуре все испытал. Эта работа для тебя. Тебе будет легко справиться с себе подобными, потому что ты знаешь их привычки, обычаи, ты, как никто другой, знаешь уголовный мир, и я уверен, что ты меня не разочаруешь. А теперь говори, какую ты хотел бы возглавить колонию?

– Мне хотелось бы вернуться туда, откуда я вышел на свободу, – в Североуральск.

Герман Юрьевич долго и раскатисто хохотал, а отсмеявшись и вытерев слезы, произнес:

– Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь! – Он похлопал ладонью по карману френча и объяснил:

– Вот здесь бумага о присвоении тебе звания майора и о твоём назначении начальником лагеря в Североуральске.

– А что же будет с Леватым?

– Ты волен решать сам: он полностью поступает в твоё распоряжение.

Можешь сделать его своим заместителем, а если не желаешь, так разжалуй в начальники отряда.

И Веселовский расхохотался вновь.

– Я непременно последую вашему совету, – с хитрой улыбкой отозвался бывший зек.

И вот теперь, ровно десять лет спустя, Беспалый с пристрастием осматривал зону, которую и так знал как свои пять пальцев. Сначала он прошёлся по всему периметру, изучая заграждение из колючей проволоки и лично убеждаясь в том, что все столбы стоят крепко. Высокие сторожевые вышки с пулеметными установками устрашающе торчали из многовековой мерзлоты и чем-то напоминали зубы огромного доисторического животного. Следом за ним семенил неуклюжий капитан Морозов.

– Через колючую проволоку пропустить ток, – распорядился Беспалый, обращаясь к капитану. – И такой силы, чтобы разил наповал. Пусть и не помышляют о побеге. Я эту публику знаю отлично: заметят где лазейку, так непременно захотят выскользнуть.

– Будет сделано, товарищ полковник, – подобострастно отозвался капитан. Он уже успел убедиться, что перечить начальнику неразумно и опасно.

Несколько дней назад Беспалый за невыполнение приказа собственноручно выбил командиру второго взвода два зуба, а старшего лейтенанта Гивина заставил лично выгребать парашу в казарме за то, что тот явился на развод в пьяном виде. Сам начальник лагеря презирал спиртное и даже не курил. Того же самого он требовал от всех своих подчиненных, лишая их и без того серое существование последних маленьких радостей. Поведением, жестами и манерой вести разговор товарищ полковник напоминал самого настоящего блатного. Но каково же было удивление молодого капитана, когда он узнал, что Тимофей Беспалый и в самом деле был в прошлом настоящим вором в законе.

– У меня большие планы, капитан! – мечтательно заметил Беспалый. – Здесь я устрою фабрику по производству мебели. Вот увидишь, наша продукция будет пользоваться спросом не только в наших краях.

Капитан молча шагал, ставя сапожищи в липкую грязь и стараясь не отставать от полковника. Он ровным счетом ничего не понимал – кому, как не бывшему зеку, положено знать, что работать ворами в законе не позволяют неписанные традиции, так называемые «понятия», сложившиеся в воровской среде за многие столетия. Вор скорее отрубит себе руки, чем приотронется к пиле или топору. Видно, новоиспеченный полковник был романтиком, впрочем, таковые встречаются даже в исправительно-трудовых учреждениях... А может быть, у начальника из-за нового назначения моча в голову ударила.

– Так точно, товарищ полковник! – шмыгнув носом, согласился с бредовыми мыслями командира капитан Морозов.

– Вот увидишь, каждый из зеков очень скоро станет специалистом высочайшего класса, – продолжал фантазировать полковник Беспалый, как будто уже видел склады, заваленные готовой продукцией. – Я научу их работать. Ты представляешь, капитан, какое это будет зрелище, когда урки, привыкшие только воровать и грабить, начнут вопить в экстазе: «Работать хочу! Работу давай!»

Капитан Морозов вымученно улыбнулся. Полковник явно был великим мечтателем: с таким богатым воображением следовало бы попробовать себя в качестве писателя-фантаста. Тем не менее капитан в тон начальству ответил:

– Это будет здорово, товарищ полковник!

– Здорово, говоришь? – весело подхватил Беспалый. – Ты, капитан, недооцениваешь эту идею. Вот увидишь, это будет нечто невиданное и неслыханное!

Изучать наш опыт через пару лет съедутся все начальники колоний Советского Союза. Поверь мне, я умею передавать опыт. – И Беспалый блеснул золотой фиксой.

– Я не сомневаюсь, товарищ полковник! – козырнул капитан.

– Вижу, что ты поддерживаешь меня во всех моих начинаниях. Будешь работать со мной в одной упряжке, и у тебя будет тоже все в порядке. Обожаю единомышленников. Если будешь работать с огоньком, то обещаю – не пожалеешь. Но сейчас ты должен доказать свою лояльность и исполнительность. Поручаю тебе организовать работу с зеками так, чтобы на зоне все сверкало, чтобы твой начальник нигде не смог испачкать сапоги. Ты меня хорошо понял, капитан? Или мы с тобой не в одной упряжке?

– Все понял, товарищ полковник! Через неделю здесь будет идеальная чистота. Завтра же начнем. Завезем щебень, дорожки забетонируем. Вы убедитесь, что я умею работать в одной команде.

– Вот это по-нашему. Лагерь должен напоминать город-сад. И не заставляй себя подгонять, чтобы я в тебе не разочаровался.

Беспалый круто развернулся и зашагал в сторону лесопилки.

Капитан едва поспевал за полковником. Он понимал, что если вызовет недовольство начальника, то это обстоятельство сильно осложнит ему дальнейшую службу: в кармане френча Беспалого лежал приказ о предоставлении особых полномочий за подписью самого товарища Бери. Эти особые полномочия позволяли полковнику навсегда поломать жизнь любому неуголному.

– Сделаю все, что смогу, товарищ полковник, – с подъемом заверил капитан. Он семенял за начальником, не разбирая дороги, и уже безнадежно перепачкал в грязи сапоги, галифе и шинель.

– Уж постарайся, родной! Еще у меня к тебе вот что: ты знаешь о том, что я сам бывший вор и был здесь на зоне смотрящим? – неожиданно остановившись, спросил Беспалый.

Такого вопроса капитан ожидать не мог. Открыв рот, он мучительно соображал, как следует поступить: сделать удивленное лицо или все-таки на всякий случай продемонстрировать свою осведомленность.

– Ладно, не тужься, вижу, что знаешь. Так вот, я хотел попросить тебя, капитан, не удивляться некоторым моим... странностям. Я вором был и вором останусь до самой смерти. Одна из моих привычек – это давать своим подчиненным прозвища. Ты мне очень напоминаешь одну бескрылую птицу. Отныне я буду называть тебя Пингвином.

Капитан с трудом проглотил ком, который застрял у него в глотке.

– Понимаю вас, товарищ полковник. Беспалый одобрительно похлопал капитана по плечу.

– Я вижу, что ты фартовый парень, но предупреждаю тебя: на прозвище откликаться обязательно, иначе я могу обидеться. Ну так что, Пингвин, договорились?

Капитан мрачновато улыбнулся – нетрудно было представить, каким смотрящим был Тимофей Беспалый.

– Так точно, товарищ полковник!

– Хорошо, что ты понимаешь меня с полуслова. Если бы ты угодил в свое время ко мне на зону, то я непременно сделал бы тебя подпаханником.

Ха– ха-ха! Эх, парень, у меня просто руки чешутся заняться большим делом. Я предвижу, что будет такая потеха, которую я буду вспоминать потом всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.